

ISSN 2072-8557

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**

№ 2 / 2012

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

<i>Козловская В.И.</i> Политические и правовые взгляды Аристотеля: учение о государственных переворотах.....	5
<i>Никулин В.В.</i> Концепция правосознания в правовой действительности советской России (1920-е годы).....	13

РАЗДЕЛ II. УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

<i>Гапеев Д.Е.</i> Правовые проблемы эффективности применения статьи 210 Уголовного Кодекса Российской Федерации	18
<i>Григорьев В.Н., Победкин А.В.</i> Некоторые положения теории доказывания в уголовном судопроизводстве.....	24
<i>Коновалова И.А.</i> Объективные и субъективные признаки несовершеннолетнего субъекта корыстно-ориентированной преступности	30

РАЗДЕЛ III. ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

<i>Прокопенко О.П., Рожков А.А.</i> К вопросу о значении выделения формальных критериев произведений литературы	33
---	----

РАЗДЕЛ IV. Трибуна молодого учёного

<i>Абдуллаев Э.Э.</i> Правовое регулирование срочного трудового договора в трудовом праве Объединенных Арабских Эмиратов и Российской Федерации.....	38
<i>Аваков А.И.</i> Борьба с экстремизмом и ультраправыми движениями: политико-правовой анализ.....	44
<i>Мишанов А.А.</i> Уголовно-правовое регулирование ответственности за совершение посягательств на интересы потребителей	48
<i>Романов А.В.</i> Некоторые особенности государственных казенных учреждений, входящих в систему МВД Российской Федерации.....	53
<i>Узлова О.С.</i> Возможности современной криминалистической отоскопии	58
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	63
НЕКРОЛОГ	64
НАШИ АВТОРЫ	66

CONTENTS

SECTION I.

HISTORY AND THEORY OF STATE AND LAW. POLITICAL ISSUES

<i>V. Kozlovskaya.</i> Aristotle's Political and Legal Views: Coup d'Etat Theory	5
<i>V. Nikulin.</i> The Concept of Justice in the Soviet Russia of the 1920s	13

SECTION II.

STRENGTHENING THE RULE OF LAW, FIGHT AGAINST CRIME

<i>D. Gapeyenok.</i> Legal Aspects of 210 Article of the Russian Federation Criminal Code Efficient Application	18
<i>V. Grigorev, A. Pobedkin.</i> General Provisions of the Theory of Proofs in Criminal Legal Proceedings	24
<i>I. Konovalova.</i> Objective and Subjective Symptoms of a Minor Subject of Selfish- Oriented Crime	30

SECTION III.

PRIVATE LAW AND ENTREPRENEURSHIP

<i>O. Prokopenko, A. Rozhkov.</i> To the Issue of Formal Criteria Value in Literary Works.....	33
--	----

SECTION IV.

TRIBUNE YOUNG SCIENTIST

<i>E. Abdullayev.</i> The Legal Regulation of Terminal Labour Contract in Labour Laws of the United Arab Emirates and the Russian Federation.....	38
<i>A. Avakov.</i> The Fight against Extremism and Ultra-Right Movements: Political and Legal Analysis.....	44
<i>A. Mishanov.</i> The Improvement of Criminal Law Regulation of Responsibility for Encroachment on Consumers' Interests.....	48
<i>A. Romanov.</i> Some Features of the State Institutions Included into the Ministry of the Interior of Russia	53
<i>O. Uzlova.</i> Modern Forensic Otoscopy Resources.....	58
SCIENTIFIC LIFE	63
NECROLOGUE	64
OUR AUTHORS	66

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 340 (091)(075.8)

Козловская В.И.

Московский государственный областной университет

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ АРИСТОТЕЛЯ: УЧЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТАХ

V. Kozlovskaya

Moscow State Regional University

ARISTOTLE'S POLITICAL AND LEGAL VIEWS: COUP D'ETAT THEORY

Аннотация. В отличие от общих постулатов Сократа и Платона о государственном перевороте, Аристотель создал системно и логично выстроенное, убедительно аргументированное учение. В нем исследован тот круг вопросов, который и сегодня сохраняет свое академическое и даже научно-практическое значение: цели, источники, причины и поводы государственных переворотов, их характер и виды, масштабы и последствия. Особое внимание уделено вопросу о механизмах самосохранения полиса и о превентивных мерах, из которых автор ставит на первое место право, законы и систему воспитания.

Ключевые слова: государственный переворот, принцип историзма, системный подход, полис, государственное устройство, аристократия, демократия, монархия, олигархия, право, закон, воспитание.

Abstract. Unlike Socrates and Plato who made merely general postulates on state overthrows Aristotle created a system logical and convincingly argued theory. It covered the range of issues which still preserve their theoretical and practical value: the purposes, sources, causes and occasions of overthrows, their characteristic features and kinds, scales and consequences. Special attention is paid to the mechanisms of polis self-guarding and preventing measures among which the author rates justice, law and the system of education as principal.

Key words: coup d'etat, principle of historicism, system approach, polis, state system, aristocracy, democracy, monarchy, oligarchy, law, legal act, education.

В отечественном аристотелеведении, включая его современный российский вариант, практически отсутствуют специальные работы о политико-правовых представлениях знаменитого античного философа. В 1970-х гг. А.Ф. Лосев писал: «Поразительно, что развитием мысли самого Аристотеля почти не занимались, тогда как о Платоне в этом отношении написано очень много» [13, с. 14]. Априори принятая оценка взглядов этого мыслителя, как типичного питомца греческой культуры и архаического знания, развивающего соответствующие идеи Сократа и Платона, явно нуждается в проверке [21, с. 413]. Под сомнение она

поставлена, пожалуй, лишь ведущим отечественным специалистом-аристотелеведом А.И. Доватуром [6, с. 38]. Но даже этот автор обходит вниманием учение Аристотеля о государственных переворотах. Тем более, что это наблюдение относится к работам его известных предшественников [4; 19; 17; 9].

Понимая всю необходимость корректного использования принципа историзма и метода ретроспекции, мы считаем, тем не менее, возможным утверждать непреходящую ценность Аристотелева учения о государственных переворотах. Несмотря на то, что опора на прошлое есть во многом «методологический анахронизм» [21, с. 402-404; 22, с. 605], мы уверены, что многие из предложенных античной наукой моделей – это своего рода схемы и стандарты (своего рода «велосипеды»), которые не следует изобретать; они уже есть, хотя и нуждаются в соответствующем, конструктивном восприятии. Заметим, что более красноречивых примеров в этой научной полемике, чем значение римского права, римской юридической науки и наук об этике и судебном красноречии, созданных Аристотелем и углубленных Цицероном, благополучно существующих в наше время, для юриста трудно отыскать. Таким образом, избранная тема представляется актуальной как с академической, так и с научно-практической точки зрения.

В попытке осмысления учения Аристотеля о государственных переворотах воспользуемся его фундаментальным политологическим трактатом «Политика». Все его восемь книг содержат пространный материал для исследования избранной темы, а объемная и обстоятельная V книга целиком посвящена ей [3, с. 376-645]. Мы не будем останавливаться на характеристике этого труда как источника, поскольку ее убедительный вариант содержится в сохраняющих в этом плане научное значение источниковедческих работах В.П. Бузескула, А.И. Доватура, Ф.А. Лосева [4; 6, с. 38-53; 13, с. 32]. Отметим, однако, что вызывающая почтение энциклопедическая эрудированность античного исследователя явилась не только следствием его образцо-

вого семейного воспитания в духе греческих духовных и гражданских ценностей, его таланта и обучения в Академии Платона, но и богатого жизненного опыта, приобретенного на основе знания государственного устройства греческого полиса, его эволюции, метаморфоз и трансформаций, с одной стороны, и македонской монархии, с другой.

Новаторскими были подходы Аристотеля к теме и методы ее исследования. В отличие от Сократа и Платона, он, стремясь предложить современникам модель и механизм реконструкции приходившего в упадок полиса, использует в первую очередь структурно-системный подход, создателем которого он сам к тому же и является (3, I. 2. 1252a 3-5; V. 10. 1316b 5-6 – VI. 1. 1317a 2) [13, с. 19, 217, 230, 235-238; 21, с. 153]. Изучая полис как систему, исследуя механизм и последствия ее функционирования, Стагирит никогда не упускает из вида его цивилизационный код – античный по своей сути, а не древневосточный. Объект его интереса – греческое общество и государство, которое возникло и развивалось на базе института гражданства и, как следствие, было детищем граждан, не ведавших традиционных для Древнего Востока отношений подданства.

Инновационный вариант применения принципа историзма также связан с именем Аристотеля: он выделил в нем исторический компонент и в итоге трактовал его как сравнительно-исторический метод. Этим методом он пользовался и в обосновании теории государственного устройства, и в изучении государственного переворота как явления (3, V. 1. 1261b-6. 1269a). Античный политолог – мастер привлечения возможностей введенных Сократом и Платоном методов оппозиции, ретроспекции, анализа и синтеза, а также диалектико-аподиктического подхода, как основы мышления. В своей политико-правовой теории он отводит большое место закону о причинно-следственных и причинно-целевых связях, роль которых в политической истории была открыта еще Геродотом и научно обоснована его конгениальным младшим современником Фукидидом [14, с.

157; 13, с. 239; 10, с. 31]. Важность этого теоретического «рычага» Аристотель учитывает, в частности, при реконструкции механизма зарождения и развития переворота, а также для обоснования превентивных мер. Силлогический метод и логика ученого, создателя этой науки, также обстоятельны [11, с. 165]. Как видим, научно-теоретический потенциал Аристотеля весьма солиден.

Каковы взгляды Аристотеля на государственный переворот как явление, и образуют ли они систему? Каково ее взаимодействие с другой системой – государственное устройство полиса? Или его взгляды – своего рода механическая сумма отдельных, пусть и важных представлений автора? Насколько они оригинальны и какую роль они сыграли в политической истории и политологии? Укажем, кстати говоря, что сам Стагирит, приступая к изучению темы, сформулировал тот круг вопросов, которые и сегодня во многом сохранили свое научное и практическое значение. Это причины и поводы государственных переворотов, их характер и виды, масштабы и последствия, механизмы самосохранения государственных устройств и превентивные меры (3, V. 1. 1301a 1-2. 1302b 3). В постановке проблемы греческий мыслитель счел целесообразным привести собственное определение государственного устройства, или политики: «Это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления, а последний и есть государственное устройство. Я имею в виду, например, то, что в демократических полисах верховная власть – в руках народа; в олигархиях, наоборот, в руках немногих... С этой точки зрения мы будем судить об остальном» (3, V. 4. 1278b 1).

Учитывая огромный объем источниковой информации, отдадим предпочтение вопросу о государственных переворотах в олигархических полисах. Такой ракурс объясняется тем, что в условиях перехода Греции IV в. до н. э. от полисного периода истории к раннеэллинистическому (с ведущей ролью

монархий) полисы именно этого типа, как считает Аристотель, испытали не виданные ранее потрясения, и одно из наиболее сильных – это потеря суверенитета государством и, следовательно, свободы личности. Исходная точка зрения Аристотеля состоит в следующем: «при создании большей части видов государственного устройства царило общее согласие насчет того, что они опираются на право и предполагают относительное равенство» (3, V. 1. 1301a 2). Однако, как продолжает автор, в понимании равенства допускались ошибки: 1. Демократическое устройство исходило из того, что «равенство в каком-нибудь отношении влечет за собой и равенство вообще», а равенство по достоинству, как гражданская добродетель, составляет суть справедливости (1, 33. 1. 194b 5-15; 3, V. 1. 1301a 27-1; 1302a 4), справедливость же – это суть закона (3, III. 11. 1287a 16-32). Следовательно, все свободнорожденные, будучи гражданами, равны в своем полисе. 2. Олигархический строй руководствуется тем постулатом, что «неравенство в одном отношении (в имущественном) обуславливает и неравенство вообще». «По этой причине те и другие граждане, ... раз они не получают своей доли в государственном управлении, поднимают мятеж» (3, V. 1. 1301a 1). Так из первоисточников внутренних междоусобиц «зарождаются мятежи» – выступления (в том числе вооруженные) вследствие заговора против государственной власти, резюмирует автор (3, V. 1. 1301a 2).

К числу причин этого Стагирит относит, прежде всего, три: 1. «Настроения людей, поднимающих мятеж», как стремление к равноправию или, напротив, к неравенству и превосходству. 2. «Ради чего?» Из стремлений к прибыли и почестям, а также из опасения утраты гражданских прав либо, напротив, из стремления к их приобретению. 3. «С чего, собственно, начинаются политические смуты и междоусобные распри?». В ответе на эти вопросы Аристотель оперирует понятием повода. Для него это вражда либо наглость, страх, превосходство, презрение, возвышение, лишение собственности, коры-

столюбие власть имущих, которые провоцируют население на враждебное отношение и к ним, и «к тому государственному устройству, которое дает им эту возможность» (3, V. 2. 1302a 1-4). «Особенное значение приобретают мелкие неурядицы в том случае, если они возникают среди лиц высокопоставленных», а «расхлебывать приходится всему полису» (3, V. 2. 1303b 1). «Поэтому нужно принимать меры предосторожности против такого рода явлений, ... стараться примирить враждующих между собой правителей и могущественных лиц», ибо любое начало, в том числе и вражды, – «половина всякого дела» (3, V. 3. 1303b 2). К числу наиболее важных поводов Стагирит относит раздоры в среде «высокопоставленных лиц» по конкретным вопросам, но воспринимающимся ими серьезными, угрожающими их личным интересам. Это, прежде всего, судебные разбирательства, например, из-за нежелания платить наложенный штраф (3, V. 2. 1302a 2), это судебные приговоры и соперничество не только за власть, но даже из-за возлюбленного или будущей супруги (3, V. 2. 1303b 11-3.-1304a 4) и т. д.

В анализе вопроса о видах государственных переворотов Аристотель исходит из следующего тезиса. Они бывают «двоякого рода: иногда посягают на существующее государственное устройство, чтобы заменить его другим» (3, V. 1. 1. 1301b 4-5), или на него «не посягают, но стремятся сами взять в свои руки правление». Мятежники могут преследовать и иную цель: «укрепить или ослабить государственный строй» либо «произвести частичное изменение в государственном устройстве, например учредить или упразднить какую-нибудь должность» (3, V. 1. 1301b 4). Характер и механизм государственного переворота вне зависимости от вида государственного устройства полиса варьируется в соответствии с конкретными обстоятельствами, но общими признаками, по мнению Аристотеля, остаются либо насилие, либо обман. При этом «к насилию прибегают или непосредственно с самого начала, или, применяя принуждение, по прошествии времени».

Обман «тоже бывает двоякого рода: иногда, обманув народ, производят переворот с его согласия, а затем, по истечении времени, насильственным путем захватывают власть уже против воли народа». Этот вариант Стагирит связывает с «необузданностью демагогов», которые «объявляли себя ненавистниками богатых» и, путем их изгнания–остракизма приобретая доверие демоса, захватывали высшие должности и ставили себя и народ «выше самих законов». Так классическая (или правильная, по определению Аристотеля) олигархия изживала себя, хотя изгнанники по возвращении, как правило, стремились восстановить ее, возлагая большие надежды а) на своих сподвижников-демагогов и б) на содействие народа (3, V. 4. 1304b 8).

Если во главе заговорщиков-олигархов оказывался демагог в должности военачальника, то, поддерживаемый соратниками, он устанавливал тиранию. Анализ конкретной истории этого вида греческих полисов приводит Аристотеля к выводу о том, что «едва ли не большая часть древних тираний происходила из демагогов» (3, V. 4. 1305a 3). Олигархия могла трансформироваться в тиранию и иным способом: если во время войны народное собрание, руководимое олигархами, наделяет полномочиями верховного командующего наемного войска кого-либо из олигархов, то он стремится воспользоваться этим для захвата единоличной, тиранической власти. Нередко, уточняет Аристотель, олигархи из страха политической конкуренции и взаимного недоверия друг к другу «предоставляют и народной массе участие в управлении». Так олигархия, вынужденно вобрав в себя демократический компонент, приобретает умеренный характер, сохраняя представителей демоса в составе народного собрания, а за собой – полномочия по руководству его деятельностью. Этот вариант умеренной олигархии Аристотель определяет как одну из разновидностей политики и считает ее особенно популярной в полисах колониального типа, где беднота нередко составляет угрожающее большинство, а «внутри олигархии царит согласие» (3, V. 3. 1306b 11).

Если внутри олигархии «образуется другая олигархия», то первая разрушается и в ней / из нее возникает крайняя форма этого устройства с немногочисленным полнымправным населением и с допуском на высшие должности лиц исключительно из его числа. Эта разновидность государственного устройства обычно трансформировалась в династическое правление, как это произошло, например, в древней Спарте (3, V. 5. 1306a 8). Оценивая историческое значение данного вида государственного полисного устройства, Стагирит лишь замечает, что впоследствии многие из таких форм правления были ниспровергнуты «вследствие того, что носили слишком деспотический характер» и вызывали «раздражение даже со стороны некоторых пользовавшихся всеми правами лиц» (3, V. 5. 1306b 10). Если же «внутри олигархии царит согласие», – акцентирует внимание мыслитель, – «тогда она нелегко разлагается сама собой» (3, V. 5. 1306a 7). В заключение анализа причин, обстоятельств и механизмов осуществления государственных переворотов в демократиях и олигархиях Аристотель утверждает, что как первые, так и вторые «переходят иногда не в соответствии им противоположный строй, но в однородный; например, из демократий и олигархий, ограниченных законами, рождаются их ничем не ограниченные виды, и наоборот» (3, V. 5. 1906b 12).

Специальное внимание отводит Стагирит вопросу о том, можно ли спасти существующее государственное устройство и каким способом? Философ заявляет: «Прежде всего, ясно, что если нам известны причины, ведущие к гибели государственных устройств, то мы тем самым знаем и причины, обуславливающие их сохранение: противоположные меры производят противоположные действия, а разрушение противоположно сохранению». В государственном устройстве, где «хорошо смешаны начала» (т. е. в политии), следует предохранять их, прежде всего, от правонарушений, которые к тому же «прокрадываются в государственную жизнь незаметно», и «обращать внимание на сохра-

нение всех мелочей» (3, V. 7. 1307b 1). Как создатель системного подхода и сторонник диалектико-аподиктического метода, Аристотель конкретизирует свой исходный тезис: правонарушения некоторое время могут оставаться незаметными, поскольку «расход совершается не сразу и этим рассудок вводится в заблуждение. Получается «вроде софистического вывода: если каждая отдельная часть мала, то и целое невелико, ... но ведь целое, взятое во всей его совокупности, не мало, оно лишь состоит из мелких частей» (3, V. 7. 1307b 2).

В комплексе спасительных мер Стагирит ставит на первое место обязанность должностных лиц «сочувственно» относиться к государственному строю, «иметь большие способности к выполнению должностных обязанностей и отличаться добродетелью и справедливостью соответственно виду государственного устройства» (3, V. 7. 1309a 14). Власти должны оказывать уважение к тем, «кто не причастен к полноправному гражданству», и к обладающим им. Первых важно не притеснять, а тех из них, кто способен к управлению государством, «вводить в состав полноправного гражданства». Честолюбивых граждан не следует ущемлять в том, «что касается чести», а народную массу в целом – «в ее материальных интересах» (3, V. 7. 1308a 3). Если полноправные граждане численно преобладают над неполноправными, то «большую пользу приносят некоторые из демократических узаконений». В качестве конкретной меры Аристотель приводит «избрание должностных лиц на полгода» (в более или менее крупных полисах – на 2-4 года), чтобы весь демос пользовался этим правом и не генерировал бы из своей среды демагогов. Краткосрочность пребывания у власти – это важный способ сохранения государственного устройства, поскольку он препятствует возможности «творить зло», ведет к сокращению распри и соперничества, которые к тому же важно предупреждать, как и зло, законными способами (3, V. 7. 1308a 3).

Сохранению государственного строя способствует не только «удаленность от всякого

разрушающего начала, но иногда и сама близость последнего». «Внушая страх, она побуждает тверже держаться имеющегося государственного устройства». Поэтому власть должна «возбуждать у граждан разные опасения, чтобы те охраняли государственный строй и не разрушали его» (3, V. 7. 1308a 5). Во избежание попыток государственного переворота особое значение имеет имущественно-цензовая политика государства. Важно следить за состоянием денежной массы, ежегодно осуществляя оценку имущества. Если оно возросло или, напротив, уменьшилось, то, предлагает Стагирит, соответствующим законом необходимо увеличить или уменьшить ценз (3, V. 7. 1308a 6). Другой высоко-результативный способ – «это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам было невозможно наживаться». Аргументом Аристотелю служит следующая констатация: «масса, отстраняемая от участия в государственном управлении, не очень уж негодует по этому поводу, напротив, она даже довольна, если каждому предоставлена возможность заниматься своими частными делами; но если она думает, что правители расхищают общественное добро, тогда ей горько, что она не пользуется ни почетными правами, ни прибылью» (3, V. 7. 1308b 9). Предлагаемый «рецепт» не кажется Стагириту сложным в исполнении. Чтобы избежать расхищения общественного достояния, передача денежных средств «должна происходить регулярно, в присутствии всех граждан и копии должны храниться в органах местной власти» (3, V. 7. 1309a 11).

При разнообразии конкретных способов сохранения государственного устройства обязательными для них всех являются следующие: 1. Никого не возвеличивать сверх меры, хотя многим давать небольшие почести и на продолжительное время. При необходимости отнять их, важно делать это со всеми одновременно и сразу. 2. Наиболее усилившихся во влиянии «лучше удалять за пределы государства», контроль («надзор») должен осуществлять специально установ-

ленный орган власти. 3. Забота о сохранности среднего слоя, т. е. состоятельных людей, как обеспечивающих сохранность государственного строя (3, V. 7. 1308b 7-7–1309a 10-3; 1309b 10). Столь же необходимым условием является, по мнению Аристотеля, «неоднократно упоминавшееся правило – следует наблюдать за тем, чтобы часть населения, которая желает сохранения существующего строя, была сильнее той, которая этого не желает, ... не должно упускать из виду ... именно средних граждан» (3, V. 7. 1309b 16). Роль ключа в деле сохранения, равно как и спасения, государственного строя играет закон, и об этом говорится на протяжении всего трактата. В этом убеждении он однозначен: «Вообще всё то, что в законах является, по нашему утверждению, полезным для государственного строя, то служит и к его сохранению» (3, V. 7. 1308b 7-7 – 1309a 10-13).

Основа прочности и сохранности полиса – «это воспитание в духе соответствующего государственного строя». Аристотель с горечью отмечает, что этим средством «ныне все пренебрегают», хотя, как говорит он, задача воспитания – дать возможность молодым гражданам поддерживать устройство своего полиса (3, V. 7. 1310a 19). Никакой пользы не принесут самые полезные законы, единогласно одобренные всеми причастными к управлению государством, если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны» (3, V. 7. 1310a 20). В свете заявленной позиции неудивительно, что проблеме воспитания Аристотель целиком посвятил VIII книгу «Политики», а также ряд других серьезных трудов. Стержнем в теории воспитания является убежденность автора в том, что все способности и искусства, в том числе и в деле управления государством, «требуют для их применения предварительного воспитания и предварительного приучивания». Гражданское воспитание должно быть не только обязательным, но и единым и одинаковым для всех, и «забота об этом воспитании должна быть общим, а не частным делом, как теперь», ибо все граждане принадлежат полису – обществу и государству.

Полис должен издавать специальные законы, «касающиеся граждан и государства» (3, VI. 8. 1337a 1).

В своем варианте идеального полиса Аристотель определяет цель воспитательно-образовательной политики, как «лепку самого себя» в прямом соответствии с понятием блага, т. е. счастья. Этот духовно-этический идеал Стагирит строит на своем учении о мере как соразмерном единстве идеального и духовного мира, и на понятии добродетели гражданина среднего достатка как идеального члена идеального полиса – политии (3, V. 8. 1337a 1) [13. с. 219-221; 20, с. 125-128, 155-157]. Идеальный гражданин, по мнению Аристотеля, должен быть собственником среднего достатка: «У средних множество благ, в государстве желаю быть средним». В качестве комментария автор уточняет, что «наилучшее государственное общение – то, которое достигается посредством средних, а те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они ... сильнее обеих крайностей или, по крайней мере, каждой в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников». Величайшее благополучие для полиса – это «чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной...»

Очевидно, повторяет свою мысль Стагирит, акцентируя тем самым ее дидактическое воздействие на общество, что «средний вид государственного строя наилучший, ибо только он не ведет к внутренним распрям». Наилучшие законодатели тоже «вышли из граждан среднего круга» (3, IV. 9. 1295b 7 – 1286a 9; 10. 1297a 4). Средний достаток из всех благ «всего лучше», ибо при его наличии легче всего повиноваться доводам разума. «Напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными

мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами... Сверх того, люди обоих типов ...ревностно стремятся к власти, а то и другое приносит полисам вред». Это происходит потому, резюмирует Аристотель, что «одни не способны властвовать, ...другие же не способны подчиняться никакой власти... Получается полис, состоящий из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, другие – презрения» (3, V. 9. 1295b 3-6).

Таким образом, наряду с гражданским воспитанием, важнейшая роль должна принадлежать духовно-этическому с его осевой ролью закона о «золотой середине». Неудивительно, что из наук, на которых обязаны воспитываться граждане, Аристотель считает обязательными этику (как раздел философии), историю, социологию, политологию, филологию (литературу и ретиорику), психологию, а также физическую культуру и музыку, как предназначенные для гармоничного развития разума, силы, духа и воли. Автор убежден, что эти науки должны преподаваться в любом учебном заведении, создателем многих из них он является, их он апробировал в Академии Платона и, позже, в своем Ликее.

Подводя общие итоги, можно сказать, что Аристотель сам осознавал свою роль в изучении государственного переворота как явления греко-полисной истории. Отдавая инициативу Сократу, он, тем не менее, характеризует его теорию как неудачную (3, V. 10. 1316a 1). Причиной неудачи является, по его мнению, дефицит внимания Сократа к переворотам в государствах с наилучшим правлением – в политии и демократии, и, с другой стороны, его концентрация на тех, которые осуществляются в типологически иных, противоположных полисах и к тому же «людьми негодными и не поддающимися никакой культуре». В отличие от разрозненных идей и общих постулатов Сократа и Платона о государственном перевороте, Стагириту удалось создать вполне упорядоченное, системно и логично выстроенное, убедительно

аргументированное учение. Его ключевые положения нередко затруднительно опровергнуть даже современному специалисту, хотя серьезное аналитическое исследование этого учения поможет сделать много научных открытий и обогатить конкретно-историческую практику.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Большая этика / пер. Т.А. Миллер. – М.: Наука, 1984. – С. 295-374.
2. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. / пер. Н.В. Брагинской. – М.: Наука, 1984. – С. 53-294.
3. Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4 / пер. С.А. Жебелева. – М.: Наука, 1984. – С. 376-645.
4. Бузескул В.П. «Афинская полиция» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. до н. э. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1895. – 297 с.
5. Вебер М. Избранные сочинения: Политика как призвание и профессия / пер. с нем. А.А. Френкина. – М.: Наука, 1990. – С. 644-706.
6. Доватур А.И. Политика Аристотеля / Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Политика. – М.: Наука, 1984. – С. 38-53.
7. Доватур А.И. Политика и полиция Аристотеля. М.-Л.: Наука, 1965. – 287 с.
8. Донских О.А., Кочергин. А.Н. Античная философия. Мифология в зеркале рефлексии. – М.: Наука, 1993. – 240 с.
9. Кечекьян С.Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. – М.-Л.: Политиздат, 1947. 240 с.
10. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография. – М.: Наука, 1980. – 870 с.
11. Кочергин А.Н. Античная философия в зеркале рефлексии. – М.: Мысль, 1993. – 295 с.
12. Лейст О.Э. История политических и правовых учений: учебник для вузов. – М.: Зерцало, 2010. – 568 с.
13. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М.: Мысль, 1975. – 776 с.
14. Немировский А.И. У истоков исторической мысли. – СПб: Алетейя, 2008. – 301 с.
15. Нерсисянц В.С. История политических и правовых учений: учебник для вузов, 4-е изд., перераб и доп. – М.: Норма, 2003. – 934 с.
16. Нерсисянц В.С. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов. – М.: Норма, 2009. – 813 с.
17. Никитский А.В. «Афинская полиция» Аристотеля. – М.: Изд-во МГУ, 1907. – 297 с.
18. Парето В. Трактат по общей социологии: в 3 т. / пер. Т.В. Павловой. – М.: Мысль, 1994. – 427 с.
19. Покровский М.Н. Исследование по «Афинской полиции» Аристотеля // Философское обозрение. 1895. – Т. VIII. – С. 3-68.
20. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность / пер. С. Мальцевой. – М.: Петрополис, 2002. – 336 с.
21. Савельева И.М., Полетаева А.В. Теория исторического знания: учебное пособие. – СПб.: Алетейя, 2008. – 523 с.
22. Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 641 с.

УДК 34.04

Никулин В.В.

Тамбовский государственный технический университет

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1920-Е ГГ.)

V. Nikulin

Tambov State Technical University

THE CONCEPT OF JUSTICE IN THE SOVIET RUSSIA OF THE 1920S

Аннотация. Рассматриваются политико-правовые и социально-экономические факторы, влиявшие на формирование в советском массовом правосознании негативного отношения к закону. Анализируется государственная правотворческая и правоприменительная практика. Показаны определяющие факторы, влиявшие на правовое поведение населения. Аргументируется вывод о том, что правовая доктрина, реализуемая в соответствующей правовой политике, являлась важнейшим фактором, детерминировавшим типологические черты массового правосознания в 1920-е годы.

Ключевые слова: правовая политика, правосознание, правовое поведение, революционная целесообразность, судебная практика, правовая действительность, правовой нигилизм.

Abstract. The paper considers the political, legal and socio-economic factors that affected Soviet people's negative attitude to the law. The author analyzes the state law-making and law-enforcing practices and highlights the factors influencing the population's legal behavior. The conclusion is made that the legal doctrine realized in the corresponding legal policy was the major factor determining typological features of mass legal consciousness in the 1920s.

Key words: legal policy, sense of justice, legal behavior, revolutionary expediency, practice of the courts, legal reality, legal nihilism.

Новая экономическая политика, требовавшая создания благоприятных условий экономической деятельности, обусловила пересмотр позиций относительно «ненужности» права после пролетарской революции. На уровне государственной власти была признана необходимость формирования нового права, адекватного новым экономическим условиям. В 1922-1923 гг. принимаются основные кодексы-законы: уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный, гражданско-процессуальный, которые создавали предпосылки организации жизни общества на правовых основах. Однако партийно-правовая доктрина объективно определяли параллельный вектор развития правовой действительности – пренебрежительное отношение к формальному закону, подмена законности революционной целесообразностью, укрепление нигилистических правовых установок. Попытаемся выявить несколько основных факторов, в наибольшей степени негативно влиявших на формирование массового правосознания в 1920-е гг.

Специфическая черта правосознания состоит в том, что оно реализуется не только на стадии правоприменения, но и на стадии правотворчества, присутствуя в той или иной степени в нормах права. Поэтому первым фактором, влиявшим на правосознание, была правотворческая деятельность. Признание необходимости твердого закона в стране не снимало вопроса: каким должен быть закон в советском государстве? Н.И. Бухарин ответил на этот

вопрос однозначно: советский закон – это закон пролетарской диктатуры. Что такое нарушение законов пролетарской диктатуры. Нарушение законов пролетарской диктатуры – есть ломка пролетарской диктатуры [1, с. 351]. Вывод – закон должен защищать пролетарскую диктатуру, то есть защищать монополию на власть правящей партгруппы посредством судебной системы и политически ангажированных законов. Культивировавшееся властью представление о праве как инструменте классового насилия оказало самое непосредственное воздействие на право творчество периода нэпа.

Одним из таких проявлений являлся тезис о постоянной изменчивости пролетарского права, вытекающего из взаимоотношений между классовыми группами, что отличало его от буржуазного права. «В противоположность понятию буржуазного права, которое считает право постоянной мерой справедливости, право с точки зрения марксизма не является таковым, а есть классовая норма, которая вводится в действие классом, находящимся у власти. Советское законодательство в отличие от буржуазного является «текучим» и быстрым ... Если текущая жизнь обнаружит злоупотребления, мы сейчас же внесем нужные исправления. Быстроты законодательства подобной нашей, другие державы не знают» [2, с. 358]. То есть понимание законности исходило не из его постоянной величины и значимости, а из классовых интересов, определявших его изменчивость и необъективность. Именно такое понимание было заложено, например, в Гражданский кодекс. Главный смысл заключался в обязательном соответствии норм гражданского законодательства партийным нормам и их допустимость до тех пор, пока они не противоречат партийным ценностям. Если они противоречат этим нормам и ценностям, то они либо ограничиваются, либо запрещаются. Поэтому в гражданском кодексе отсутствовала основа предпринимательской деятельности – гарантия собственности.

Право собственности не рассматривалось как неотъемлемая основа хозяйствен-

ной жизни. Все это делало частнопредпринимательскую деятельность в условиях нэпа ненадежной и временной. В предпринимательской среде преобладали негативные настроения – сорвать быстро куш не планируя свое дело на долгосрочную перспективу. В данном случае логика законодателя вела не только к формированию в сознании населения искаженного правосознания в области предпринимательства, но и логику формирования базового компонента массового правосознания – абсолютного верховенства государственной власти над законом, который власть может изменить в соответствии с политическими и экономическими интересами правящей элиты, а не с интересами населения. В результате система представлений и оценок правовой действительности на обыденном уровне сводилась к суждению «государство всегда право», а правовое поведение заключалось в противоправном стремлении обойти закон и не выполнять государственные предписания.

Второй фактор, влиявший на формирование нигилистических установок – это судебная практика. Создание законов, имевших склонность к широкому толкованию, позволяло суду, как орудию охраны интересов господствующей элиты, успешно решать задачу вынесения классово обоснованных приговоров, что в практическом плане проявлялось в отсутствии равноценности наказания для различных социальных групп. Система наказаний строилась не столько на основании меры поступка, сколько на основании социально-классовой принадлежности, причем второе было куда весомее при определении меры наказания. Юридический «оценочный механизм» (определение меры наказания) состоял в определении «свой» – «чужой». Признаки «своего» – это единство социального происхождения. Особенно рельефно классовый подход подчеркивают статьи 24-я и 25-я УК РСФСР 1922 гг., в которых перечисляется, что должен учесть суд, определяя наказание [3, ст. 24, 25]. Главный критерий – классовая принадлежность и мотивы преступления. Многочисленные указания и

инструкции требовали от судов неуклонного соблюдения классового принципа в “карательной политике”. Например, в циркуляре Верховного Суда РСФСР от 22 декабря 1924 г. разъяснялось, что суды при определении наказания должны были руководствоваться непреложным правилом: «учитывать, кого он имеет перед собой, и назначать меру социальной защиты, исходя из признаков социальной принадлежности»¹.

Политическое понимание сущности юридических норм создавало конфликт социального поведения и классовой принадлежности, что вело к существенным последствиям. Во-первых, формировались устойчивые шаблоны пролетарского нигилистического правового поведения, а безнаказанность и вседозволенность снижали мотивационное действие наказания, что, в свою очередь, влияло на повышение преступности среди «своих классов». С другой стороны, способы реализации правосудия в форме разрешения правовых споров на основе классовой принадлежности вызывали негативную реакцию населения, недовольного мягкими классовыми приговорами. Особенно раздражала, например, крестьян безнаказанность конокрадства и краж сельхозпродукции, наносившие наибольший экономический ущерб крестьянским хозяйствам. Авторитет суда у населения в этой ситуации был ничтожен, а закон не рассматривали как общеобязательный свод правил поведения. Поэтому в деревне участились самосуды над конокрадами и грабителями. Можно определенно говорить об углублении в 1920-е гг. негативного отношения населения и прежде всего крестьянства к официальному правосудию и укреплению на этой почве нигилистических установок, реализуемых в соответствующих моделях правового поведения граждан.

Третий фактор, влившийся в формирование советского правосознания – это партийно-советский правовой нигилизм, исходивший от властных структур. Гражданская война привела к жесткому «правовому ни-

гилизму», означавший абсолютное олицетворение власти с законом и включение права в партийно-государственную систему. Большевики смотрели на закон как на лишь дополнительный механизм реализации политической доктрины. Право заменялось указаниями, предписаниями, циркулярами, стержнем которых выступала революционная целесообразность как способ разрешения любых юридических конфликтов. Партийно-государственные структуры, превратившиеся во время Гражданской войны в «княжества», управляемые «князьками», стали для себя своим собственным законодателем и судьей, считая свой собственный поведенческий образец безупречным. Закон свелся для них к собственным представлениям и собственным нормам поведения.

Такой подход выливался в прямое давление на суды с целью принятия политически нужного решения. На этой почве часто возникали конфликты между судами и местными органами власти, сопровождавшиеся усилением взаимного недоверия, ростом напряженности в коллективах, сильным психологическим давлением. Например, осенью 1925 г. возник конфликт между Воронежским губкомом и прокурором губернии. Прокурор обвинил губком в «увводе» коммунистов от суда, а губком обвинил прокурора в преследовании ответственных работников. В ответ на требование НКЮ соблюдать законность в связи с данным конфликтом секретарь Воронежского губкома отреагировал жестко: «Я самодетством и укреплением авторитета суда и права из-за желания, эксцентричности некоторых товарищей, заниматься не намерен и если будет нажим со стороны Наркоматов, то я предложу посадить на мое место одного из тех, кто будет нажимать советским порядком. У нас есть губком и ЦК и никаких кляуз и заявлений работников Наркоматов не должны приниматься и на них реагировать»². Таких конфликтов было великое множество и все они свидетельствовали

¹ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р.- 524. Оп.1. д. 376, л. 67

² Государственный архив общественно – политической истории Воронежской области (ГАСПИВО). Ф.1. Оп.1. Д.687. Л.43

о серьезном и широком распространении нигилистического отношения к закону, углубленного партийными и местными амбициями, расширении практики политических фальсификаций на местном уровне и прямом вмешательстве партийных органов в компетенцию судов.

Немаловажными оказались и долгосрочные трансформации. Складывалось дистанционное соотношение между властью, правом и законом, с одной стороны, и основной частью населения, с другой. Право, закон народом олицетворялись исключительно с властью, они не видели в них способа защиты своих интересов и прав. Отсюда как бы «удвоение» правового нигилизма. Наконец, в условиях абсолютного доминирования партийного аппарата в сфере права, сформировался слой «партийных юристов», обслуживающих партийные нужды. Не вызывало уважительного отношения к праву и установление особого (внеправового) порядка привлечения к ответственности членов ВКП (б), что позволяло коммунистам (прежде всего ответственным работникам), уйти от ответственности. В мае 1921 г. принимается циркуляр ЦК РКП (б) «О взаимоотношениях парткомов с судебными и следственными органами РСФСР, в случае возбуждения следствия или суда на члена партии». Циркуляр обязывал судебно-следственные органы мнение партийного комитета «о направлении на судебное рассмотрение и судебном решении по делу» работников-коммунистов считать для себя партийной директивой¹. В июле 1922 года появляется циркуляр «О взаимоотношениях парткомов с судебными и следственными учреждениями РСФСР, в случае возбуждения следствия и суда над членом партии РКП (б)». В нем предписывалось следственным органам изменять меру пресечения в отношении членов партии и освобождать их из-под ареста под поручительство трех членов партии². В 1922 и 1923

гг. издаются секретные инструкции «О порядке привлечения к судебной ответственности ответственных работников-коммунистов», которые ограничивали возможности судебного преследования руководителей-хозяйственников³.

Правила игры «в правосудие» для коммунистов во второй половине 1920-х годов меняются в сторону ужесточения правил игры для членов партии. Это было вызвано обеспокоенностью возросшим количеством растрат коммунистами государственных средств, ростом негативных настроений в обществе в отношении безнаказанности коммунистов. Каждый коммунист за совершенное им преступление подлежал привлечению к судебной ответственности, аресту и наказанию на общих со всеми гражданами основаниях. Парторганизациям категорически запрещалось вмешиваться в судебные и следственные дела и предрешать приговоры. Воспрещалось смягчать приговор из-за партийной принадлежности по корыстным делам, по делам о насилиях, самоуправстве, контрреволюционным и о растратах⁴. Но общие декларации не отменяли внеправового порядка привлечения к ответственности членов партии, в реальности правовые льготы для коммунистов продолжали действовать. В условиях сложившейся жесткой партийно-государственной системы суды не могли возразить партийному диктату без серьезных для себя последствий дисциплинарного порядка. Создание особых условий в отношении коммунистов, уличенных в преступных деяниях, подрывало основы государства, закон переставал быть основой политической, общественной жизни. В результате сформировалась политика двойных правовых стандартов: одни стандарты для ответственных работников, другие – для простых граждан. У номенклатуры сложились свои правила поведения, существенным образом отличавшиеся от норм поведения рядовых граждан.

¹ Государственный архив общественно – политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 320, Л. 32

² ГАСПИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1446. Л. 130

³ Российский государственный архив социально – политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 34. 6, Д. 137. Л. 58

⁴ ГАСПИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1008, Л. 12 – 14

Сформировавшееся в 1920-е гг. в советском массовом правосознании негативное отношение к закону в своей основе опиралось на официальную политико-правовую доктрину, которая, отражая идеологические представления правящей группы и внутриполитическую конъюнктуру, объективно выстраивала негативный вектор правового поведения населения. Этому же способствовала и классовая правоприменительная практика, ставя в неравное правовое положение различные группы населения. Таким образом, признавая наличие целого комплекса факторов, препятствовавших формированию адекватного потребностям общества правосознания, следует признать, что важнейшими из них были политико-правовые и социально-экономические установки государственной власти. Именно теоретическая конструкция в виде большевистской концепции правосознания, реализуемая в соответствующей правовой по-

литике, являлась важнейшим фактором, формировавшим соответствующие модели массового правового поведения представителей правящей элиты и различных социальных групп населения в 1920-е гг. Еще раз подтверждается истина, что в обществе, где правовой нигилизм воспроизводится самим государством, у граждан невозможно сформировать позитивное отношение к праву. В таком обществе основная масса граждан будет руководствоваться в своих повседневных действиях неписаными нормами массовых правовых представлений, далеко не всегда совпадающими с правовыми нормами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бухарин Н.И. Избранные произведения. - М.: Политиздат, 1988. - 499 с.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. - 5-е изд. - Т. 43 (Март - июнь 1920) - М.: Политиздат, 1970. - 562 с.
3. Уголовный кодекс РСФСР. (Ред. 1922 г.). - М.: Изд-во НКЮ, 1923. - 124 с.

РАЗДЕЛ II. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 343.3/.7

Гапеев Д.Е.

Московский государственный областной университет

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 210 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

D. Gapeyev

Moscow State Regional University

LEGAL ASPECTS OF 210 ARTICLE OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL CODE EFFICIENT APPLICATION

Аннотация. Противоправная деятельность преступных сообществ является частью организованной преступной деятельности и одним из самых опасных видов преступности. Успешное расследование этой деятельности является важнейшим направлением противодействия организованной преступности в целом. В принятом УК РФ впервые в истории отечественного уголовного законодательства были введены нормы (ст. 35 и 210 УК РФ), предусматривающие уголовную ответственность за создание, руководство и участие в преступном сообществе (преступной организации). Отсутствие четких формулировок в законе как ранее, так и в настоящий момент приводит к сложности при квалификации организации преступного сообщества (преступной организации). О некоторых проблемах эффективности применения статей 35 и 210 УК РФ речь пойдет в данной статье.

Ключевые слова: организованная преступность, преступная организация, преступные формирования, преступная иерархия, преступления в сфере экономики, координация преступных действий, коррумпированные связи, получение прибыли незаконным путем.

Abstract. Illegal activity of criminal communities is a part of the organized criminal activity and one of the most dangerous kinds of criminality. Successful investigation of this activity is the major direction of counteraction of the organized crime as a whole. The enacted Criminal Code of the Russian Federation unprecedentedly introduced the legal norms (items 35 and 210 of the RF Criminal Code) providing criminal responsibility for organizing, managing and participating in a criminal community (criminal organization). Unfortunately the absence of accurate formulations both in earlier editions of the law and in the present one leads to complexity while qualifying the organization of a criminal community (criminal organization). This paper deals with the efficiency of 35 and 210 articles application.

Key words: organized crime, criminal organization, criminal formations, criminal hierarchy, crimes in economic sphere, coordination of criminal acts, ties of corruption, illegal profit.

В настоящее время вопрос совершенствования борьбы с деятельностью преступных сообществ по-прежнему остается актуальным. Организованная преступность, продолжая свои активные попытки проникновения в экономику страны, внедряясь в органы государственной власти и управления, представляет тем самым серьезную угрозу. Более того, неуклонно прослеживается тенденция к появлению новых способов взаимодействия и интеграции организованных преступных групп в преступные сообщества, формированию и консолидации более крупных преступных сообществ, усиливающих свой потенциал. Анализ данных о результатах применения в следственной и судебной практике ст.ст. 35, 210 УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за создание, руководство и участие в преступном сообществе (преступной организации), позволяет нам говорить о существовании целого ряда проблем. Следует заметить, что этих проблем не становится меньше и с внесением изменений.

Федеральным Законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ статья 35 и статья 210 Уголовного кодекса изложены в новой редакции. В частности, предусматривается уголовная ответственность за создание преступного сообщества для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, руководство таким сообществом или входящими в него структурными подразделениями, а также за координацию преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработку планов и условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, совершенные лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп, а равно за участие в собрании (сходке) лидеров организованных групп в указанных целях [6]. Согласно положениям ч. 4 ст. 35 УК РФ, преступное сообщество (преступная организация) может представлять собой как одну структурированную организованную

группу, так и объединение организованных групп [2, с. 53].

Статья 210 УК РФ устанавливает, что «преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующим под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких, либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды». Диспозиция же статьи 210 УК РФ предусматривает ответственность за следующие преступные деяния:

- создание преступного сообщества (преступной организации);
- руководство таким сообществом;
- координация преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами¹;
- разработка планов и создание условий для совершения преступлений самостоятельно действующими организованными группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, совершенные лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп;
- участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений;
- участие в преступном сообществе;
- деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 210 УК РФ, совершенные лицом с использованием своего служебного положения;
- деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 210 УК РФ, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

¹ Ранее Пленумом Верховного суда РФ подобные действия квалифицировались как создание преступного сообщества (преступной организации) (Постановление Пленума ВС РФ от 10 июня 2008 г.) [4]

Одной из проблем эффективности применения ст. 210 УК РФ является такой признак преступного сообщества (преступной организации), как наличие **специальной цели, состоящей в соответствии с ч.4 ст.35 и ч.1 ст.210 УК РФ в совершении тяжких или особо тяжких преступлений**. В некоторых странах (к пример, в Италии и Германии, Франции) само существование преступного формирования признается общественно опасным. И соответственно, в отличие от норм российского права, общественная опасность таких формирований признается независимо от тяжести преступлений, для которых оно было создано. Возможно, таким образом законодательством этих государств предприняты меры предупреждения создания преступных формирований.

Не стоит забывать, что большинство из наиболее прибыльных уголовно наказуемых деяний – преступления в сфере экономической деятельности – относятся к категории средней тяжести. И хотя перечень деяний, представляющих интерес для организованной преступности, достаточно велик, создание преступного сообщества (преступной организации) с целью совершения именно этих преступлений, в соответствии с прямым требованием закона, не может квалифицироваться по ст. 210 УК РФ, что, безусловно, сужает возможности правоохранительных органов. Так, например В.В. Лунев отмечает, «можно перечислить почти все преступления, предусмотренные в уголовных законах различных стран, совершение которых может стать «делом» организованной преступности: одни (торговля наркотиками, оружием ...) – как основную целевую деятельность, другие (убийства, терроризм ...) – как способ устранения конкурентов, третьи (подкуп, коррупция ...) – как форму самозащиты от разоблачения, четвертые (неуплата налогов, отмывание денег ...) – как спасение преступного капитала, пятые (создание фиктивных предприятий ...) – как метод легализации своей деятельности [1, с. 285]. Также следует согласиться с мнением А.И. Долговой, согласно которому диспозиция ст. 210

УК РФ фактически исключает возможность уголовно-правовой борьбы с преступными организациями на стадии совершения ими нетяжких преступлений и предупреждения тяжких деяний [3, с. 35].

Выходит, что более разумно было бы выделение в качестве обязательного признака преступного сообщества стремление членов сообщества в конечном итоге к извлечению наживы. Так, Модельный Уголовный кодекс стран СНГ предлагает следующее определение преступного сообщества: «**Преступным сообществом признается сплоченное объединение организованных преступных групп с целью получения преступных доходов**». Пленумом Верховного суда РФ принято постановление от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)», которое (пункт 1) указывает: обратить внимание судов на необходимость точного выполнения требований закона, предусматривающего уголовную ответственность за создание преступного сообщества (преступной организации) либо за руководство сообществом (организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а также за участие в нем (ней) [5].

Каким образом возможно точное выполнение требований закона и возможно ли это в связи с перенасыщением статьи 210 УК РФ такими «неточными» понятиями, как сплоченность, структурированность..., все еще остается спорным в связи с так и не прояснившимся содержанием понятий используемых законодателем. Под структурированной организованной группой (п. 3 постановления) понимается группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, состоящая из подразделений (подгрупп, звеньев и т. п.), характеризующихся **стабильностью** состава и **согласованностью** своих действий. Возникает вопрос, возможно ли определение термина «структурированность» через «стабильность

состава и согласованность действий» когда это представляется вполне очевидным, ведь отсутствие каждого из этих признаков говорит не о структурированности преступного сообщества, а об отсутствии преступного сообщества как такового, и, соответственно, о невозможности применения статьи 210 УК РФ. На наш взгляд, отпадания такого признака, как стабильность и согласованность действий, всего лишь дает основание полагать, что преступление совершено не преступным сообществом, а организованной группой.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ по приговору Нижегородского областного суда от 10 июня 1999 г. признала ошибочной квалификацию действий осужденных по ст. 210 УК России, указав в кассационном определении следующее: «Признавая их виновными в организации и участии в преступном сообществе (преступной организации), суд в приговоре фактически привел признаки совершения преступлений организованной группой, поскольку по смыслу закона преступное сообщество предполагает вхождение в его состав структурных подразделений, как при совершении преступлений, так и при обеспечении функционирования преступной организации. Содержащееся в ч. 4 ст. 35 определение преступного сообщества включает в себя, прежде всего, понятие объединения организованных преступных групп, созданное для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, чего по данному делу не усматривается». В другом своем определении от 24 апреля 2002 г. на приговор Московского городского суда от 18 октября 2001 г. Судебная коллегия Верховного суда РФ, отменив приговор в части квалификации деяний по ст. 210 УК России, обосновала это тем, что «осужденные представляли собой единую преступную группу, а не несколько объединенных одним преступным интересом организованных групп. Суд не привел в приговоре каких-либо доказательств, которые позволяли бы признать правильным утверждение, что преступная группа, в которую входили осужденные, стала настолько

сплоченной и устойчивой, что качественно переросла в преступное сообщество».

Еще одной проблемой, возникающей в процессе применения ст. 210 УК России, является **квалификация организации преступного сообщества (преступной организации) по совокупности преступлений**. Исходя из конструкции норм, содержащихся в ч.ч. 1 - 3 ст. 210 УК РФ, организация преступного сообщества (преступной организации) всегда представляет собой совокупность преступлений: предусмотренного ст. 210 УК России и прочих, запланированных сообществом (организацией) преступлений, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК России. Сам факт организации преступного сообщества (преступной организации) представляет собой одновременно и приготовление к совершению запланированных преступлений, последние всегда являются тяжкими или особо тяжкими, постольку приготовление к ним на основании ч. 2 ст. 30 УК РФ признается преступным и наказуемым. Поэтому организация названного сообщества (организации) должна квалифицироваться по совокупности преступлений: по ст. ст. 30, 210 и соответствующей статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за соответствующее запланированное преступление. Аналогична квалификация содеянного, когда членами преступного сообщества (преступной организации) совершено покушение на запланированное преступление. Если запланированные преступления совершены, то налицо совокупность создания преступного сообщества (преступной организации) и оконченного запланированного преступления.

Таким образом, организация преступного сообщества (преступной организации) не может быть квалифицирована только по одной ст. 210 УК России в так называемом «чистом виде». Подобные действия всегда квалифицируются по совокупности с другими статьями УК России. Кроме того, установив в деятельности группы признаки преступного сообщества (преступной организации),

правоприменитель не должен квалифицировать действия ее членов по статьям Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающим совершение преступления организованной группой лиц, поскольку в силу ст. 35 УК РФ это разные виды групповой преступной деятельности. Например, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 29 августа 2000 г. на приговор Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики отмечено, что «суд, указав в описательной части приговора о незаконном неоднократном приобретении Д., хранении в целях сбыта, перевозке и сбыте наркотических средств в особо крупных размерах в преступном сообществе, в то же время, при квалификации его действий по ч. 4 ст. 228, указал о совершении им указанного преступления организованной группой. Из этого следует, что, правильно придя к выводу о совершении осужденными преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков в составе организованной группы, суд излишне квалифицировал действия Д. и Б. по ст. 210 УК РФ...».

Фактическое существование преступного сообщества (преступной организации), как свидетельствует практика, проявляется в совершении его членами конкретных преступлений. Изучение материалов уголовных дел показало, что почти все они возбуждались не по признакам ст. 210 УК РФ, а по иным составам: мошенничество, вымогательство, незаконный оборот наркотиков, преступления в сфере экономики и др. Только на завершающей стадии расследования виновным предъявлялось обвинение в организации преступного сообщества (преступной организации) и участии в нем. Это связано с тем, что, несмотря на формальность состава рассматриваемого вида преступления, на практике существование преступного сообщества (преступной организации) возможно доказать лишь при условии успешного доказывания совершения членами этого сообщества конкретных тяжких или особо тяжких преступлений.

Например, Московский городской суд, признав доказанным наличие преступного сообщества и участие в нем обвиняемых, исключил в приговоре обвинение по ч. 2 ст. 210 УК РФ на том основании, что следствие достоверно не установило, какие конкретно преступления были совершены подсудимыми в составе преступного сообщества в определенный период времени. Таким образом, судом был создан прецедент, когда участие в преступном сообществе является недостаточным для осуждения по ч. 2 ст. 210 УК РФ (участие в преступном сообществе (преступной организации) либо в объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп). Государственный обвинитель в своем протесте на решение Мосгорсуда указал, что согласно диспозиции, предусмотренной ст. 210 УК РФ, участие в преступном сообществе (преступной организации) образует состав оконченного преступления независимо от наличия фактов совершения конкретных преступлений, на которых специализируется преступное сообщество. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда протест оставлен без удовлетворения, причем без какой-либо аргументации. Следует признать, что из-за несовершенства формулировок рассматриваемой нормы уголовного закона, в свою очередь, это негативно отражается на объективности принимаемых по делам решений.

Таким образом, ст. 210 УК РФ в основном вменяется только как дополнительный эпизод преступной деятельности, хотя согласно диспозиции ст. 210 УК РФ возбуждение уголовного дела возможно, на что выше было указано, уже по факту создания преступной организации, объединения руководителей или членов таких организаций. Приходится констатировать, что сложившаяся ситуация по правоприменению ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации никак не способствует выполнению тех задач, которые ставятся перед правоохранительными органами России с учётом реальности сегодняшнего дня. Возникшие трудности, прежде

всего, связаны с тем, что конструкция диспозиции указанной нормы уголовного закона и содержащиеся в ней понятия являются оценочными, что нередко влечет за собой различное их толкование в следственной и судебной практике.

В среднем, каждое четвертое дело, возбужденное в отношении организаторов преступного сообщества, прекращается на стадии предварительного следствия самими следователями или прокурорами при утверждении обвинительного заключения перед направлением его в суд. Прекращая дела по ст. 210 УК России, практические работники ссылались на отсутствие наиболее распространенных признаков преступного сообщества, таких, как «сплоченность», «устойчивость», «организованность». С внесением изменений в ст. 35 и 210 законодателем введен новый термин «структурированность», пока об эффективности нововведений говорить еще рано, но считаем, что теперь еще и неясно, как же на практике будет доказано, что преступление совершено «структурированной организованной группой». Похоже, это неизвестно и разработчикам закона. Определенные трудности доказывания самого факта организации преступного сообщества (преступной организации) возникают,

когда запланированное им преступление или покушение на него не совершены. Предусмотренными в уголовно-процессуальном законодательстве России средствами очень трудно доказать сам факт создания преступного сообщества (руководства им и т. д.) до совершения сообществом тяжких или особо тяжких преступлений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лунев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. – М., 1997. – 390 с.
2. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) // Уголовное право. – 2010. – № 5. С. 56-59.
3. Организованная преступность – 4 / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1998. – 280 с.
4. Постановление Пленума ВС РФ от 10 июня 2008 г. URL: http://ka-nevskaya.ru/postanovlenie_plenuma_ve13 (дата обращения 13.01. 2012).
5. Российская газета. 2010. 17 июня URL: <http://www.rg.ru/gazeta/ekonomika/2010/06/17.html> (дата обращения 10.01. 2012).
6. Федеральный Закон «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации» №245-ФЗ от 3 ноября 2009 года // Собрание законодательства РФ. 09.11.2009. № 45. Ст. 5263.

УДК 343.14

Григорьев В.Н.

Московский государственный областной университет

Победкин А.В.

Московский университет МВД России

НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

V. Grigorev

Moscow State Regional University

A. Pobedkin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

GENERAL PROVISIONS OF THE THEORY OF PROOFS IN CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

Аннотация. Статья посвящена характеристике теории доказывания в уголовном судопроизводстве. Раскрыто содержание основных понятий, составляющих фундамент данной теории, определены исходные философские категории, которые применимы в данном виде деятельности. Обосновано, что любое событие оставляет материальные или идеальные следы. Это является аксиомой, которая определяет содержание всей деятельности по установлению обстоятельств уголовного дела. Выделены особенности познания при производстве по уголовным делам. Сделан вывод, что в содержание истины, достигаемой в уголовном судопроизводстве, входит только соответствие знаний фактическим обстоятельствам уголовного дела.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное дело, доказывание, истина, следователь, прокурор, суд.

Abstract. The paper characterizes the theory of proofs in criminal legal proceedings. The philosophical and conceptual bases of the given theory were considered. The proved idea that any event leaves either material or ideal traces becomes an axiom that governs the whole of activity in establishing the circumstances of a criminal case. The authors revealed the features of cognition in criminal case proceedings. It was concluded that criminal legal proceedings should be based only on conformity of the received data to the real circumstances of a criminal case.

Key words: criminal legal proceedings, criminal case, proving, truth, inspector, prosecutor, court.

Доказывание в уголовном судопроизводстве представляет собой разновидность познания человеком объективной действительности. Оно осуществляется в соответствии с общими закономерностями, присущими познавательной деятельности во всех областях теории и практики. Теория познания (гносеология) основывается на следующих основных положениях: мир существует объективно; мир познаваем; человек способен вскрывать законы реальной действительности; материя обладает свойством отражения [5, с. 156-157]. Иначе говоря, любое явление, событие оставляет следы – материальные (отражение на предметах) и идеальные (отражение в сознании человека). Указанные положения необходимо рассматривать в качестве аксиомы, определяющей содержание всей деятельности по установлению обстоятельств уголовного дела. Отрицание данных постулатов по сути отрицает саму возможность,

а значит, и необходимость правильного установления значимых для уголовного дела обстоятельств. Познание в сфере уголовного процесса, следовательно, основывается на общих закономерностях познания. Основные правила такого познания разработаны теорией доказывания в уголовном судопроизводстве, которая, в свою очередь, является частью теории познания.

Теория доказывания является комплексной по своему содержанию, она включает в себя изучение закономерностей в сфере познания в гражданском, арбитражном, уголовном и административном процессе. Однако применительно к уголовному судопроизводству под теорией доказывания мы будем понимать часть теории познания, которая изучает закономерности познания лишь в уголовном процессе. В уголовном процессе познание имеет *некоторые особенности*:

1) облечено в процессуальную форму и осуществляется в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального права;

2) происходит в строго определенные сроки, установленные законодателем;

3) доказывание осуществляется уполномоченными субъектами (следователем, руководителем следственного органа, дознавателем, органом дознания, начальником подразделения дознания, прокурором, судом, судьей);

4) предметом доказывания в уголовном процессе служит ограниченный круг фактов и обстоятельств, характеризующих конкретное единичное событие объективной действительности, установление совокупности которых необходимо для правильного разрешения уголовного дела;

5) представляет собой исследование событий прошлого, но исследованию подлежит явление, которое на момент производства по уголовному делу уже не существует, и поэтому получение сведений о нем возможно, как правило, не непосредственно, а опосредованным путем, через материальные и идеальные следы, оставленные преступлением (следует иметь в виду, что отдельные элемен-

ты события могут сохраниться и на момент производства по уголовному делу (обстановка на месте происшествия, преступные последствия, орудия преступления), поэтому возможно и непосредственное исследование некоторых обстоятельств события);

6) может осуществляться не любыми, а лишь строго определенными законом средствами (следственные, судебные действия и иные процессуальные способы собирания доказательств);

7) всегда сопровождается удостоверением познанного, а следователь, суд и иные органы либо должностные лица обязаны не только получить в установленном законом порядке сведения об интересующих их фактах и обстоятельствах, но и надлежащим образом зафиксировать эти сведения (составить протокол следственного действия, осуществить звукозапись, приобщить к уголовному делу предмет в качестве вещественного доказательства и т. д.), и если удостоверения установленных обстоятельств не произошло, то познание, конечно, состоялось, однако оно не является уголовно-процессуальным, не имеет юридического значения, не может стать основой решений компетентных должностных лиц, иначе говоря, доказывания в этом случае не состоялось [13, с. 31-45].

Предметом теории доказательств является практическая деятельность по собиранию, проверке доказательств, а также логическая, мыслительная деятельность по их оценке. Эта деятельность изучается через призму доказательственного права. *Доказательственное право* – часть уголовно-процессуального права, представляющая собой совокупность уголовно-процессуальных норм, которые регламентируют цель доказывания, порядок собирания, проверки и оценки доказательств. Следует иметь в виду, что сведения о юридически значимых обстоятельствах уголовного дела компетентное должностное лицо может получить не только путем уголовно-процессуального доказывания. Сведения могут быть получены из оперативных источников, в обыденном разговоре, путем логического мышления. Эти данные и умо-

заклучения являются актами познания по уголовному делу, однако не относятся к уголовно-процессуальному доказыванию, так как не отвечают вышеперечисленным требованиям к данной деятельности.

Содержание понятия доказывания как формы познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве принципиально отличается от содержания аналогичного термина, используемого в формальной логике. Первое олицетворяет собой познавательную деятельность, обеспечивающую получение правильных знаний об обстоятельствах, значимых для уголовного дела. Второе означает процесс логического обоснования выдвинутого субъектом тезиса, т. е. деятельность исключительно мыслительную, осуществляемую на основе законов логики. Противопоставление данных понятий было бы отрицанием очевидного – в уголовном процессе нельзя обойтись без логического доказывания, т. е. обоснования выводов на основе познанных обстоятельств. Вместе с тем, учитывая традиционно сложившийся смысл понятия «доказывание» в уголовно-процессуальной теории, под этим термином прежде всего следует понимать познавательную, информационную деятельность, протекающую в установленной законом процессуальной форме.

УПК РСФСР, действовавший в России до 1 июля 2002 г., в качестве цели доказывания однозначно и определенно рассматривал установление истины [6, с. 181]. Однако УПК РФ, воплощая в себе серьезные сомнения некоторых ученых относительно необходимости и возможности установления истины в уголовном процессе, а также ориентируясь на концептуальные положения некоторых зарубежных моделей судопроизводства, в частности, англо-американской, прямо не указывает на истину как на цель доказательственной деятельности. Правильное понимание цели доказывания в уголовном судопроизводстве – это не только важная теоретическая проблема, непосредственно предопределяющая развитие других правовых институтов, но и большой практический

вопрос. От правильного его решения в значительной мере зависит определение иных процессуальных категорий: средств доказывания, процессуальных презумпций, обязанностей тех либо иных участников процесса, порядок судопроизводства, роль в доказывании отдельных доказательств и др.

В уголовном судопроизводстве важно добиться решения двудеиной задачи – осуждение действительно виновного и недопущение привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновного. Решение этой задачи возможно лишь при условии, что обстоятельства уголовного дела установлены компетентными органами и должностными лицами так, как они имели место в действительности, вне зависимости от индивидуальных особенностей сознания познающего. Такое правильное установление обстоятельств преступления и иных значимых для уголовного дела обстоятельств в уголовно-процессуальной науке рассматривалось как установление объективной истины. Несмотря на отсутствие прямого указания в действующем УПК РФ на истину в уголовном процессе, представляется, что в уголовном судопроизводстве любого государства безусловно важным является установление обстоятельств уголовного дела именно так, как они и происходили в действительности.

Российская уголовно-процессуальная доктрина традиционно исходила из возможности установления реально существующего соответствия знаний действительности (т. е. об объективной истине), а не о соответствующем только в сознании человека (субъективная истина). В связи с этим единообразное понимание термина «истина» позволит исключить бытующее в отечественных источниках ложное представление о целях доказывания в некоторых зарубежных уголовно-процессуальных системах, основанное лишь на неодинаковом смысловом содержании термина. Наиболее распространенное понимание истины в уголовном судопроизводстве заключается в том, что истина рассматривается как «соответствие человеческих мыслей, сужде-

ний, представлений о явлениях и предметах действительности самим этим явлениям и предметам, каковы они есть на самом деле, независимо от воспринимающего их сознания» [9, с. 28]. Автором классического понимания истины считается Аристотель. «Истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным, а связанное связанным, а ложное тот, кто думает обратное тому, как дело обстоит с вещами» [1, с. 250]. При подобном понимании истины очень сложно определить критерий соответствия утверждения действительности. В строгом смысле «соответствуют» не утверждения событиям, а утверждения утверждениям. Человек никогда не сможет вернуться к событиям прошлого «...и будет обсуждать не соответствие утверждения с действительностью, а соответствие его с какими-либо другими утверждениями и представлениями. Ведь действительность всегда дана нам в знании...» [12, с. 133]. В связи с этим некоторые авторы полагают, что объективная истина суду недоступна, полной достоверности знаний он достигнуть не может, а вынужден довольствоваться лишь более или менее высокой степенью вероятности [3, с. 20].

Существует расхожее мнение, что для стран с англо-саксонской моделью уголовного процесса (ориентир совершенствования отечественного судопроизводства) характерно отрицание объективной истины как цели доказывания [14, с. 37]. Однако представляется, что целью любой модели уголовного процесса не может не быть правильное установление обстоятельств уголовного дела. Так, правило 2 Федеральных правил использования доказательств в судах США устанавливает, что эти правила должны быть истолкованы в интересах обеспечения беспристрастного отправления правосудия, устранения неоправданных расходов и задержек и развития доказательственного права с целью установления истины и справедливого производства [7, с. 153]. Представляется, что основное расхождение между традициями российского уголовного судопроизводства и англо-американским

процессом заключается в средствах и критериях установления истины, определении оснований прекращения исследования обстоятельств уголовного дела.

В Великобритании и США судебное разбирательство – лишь спор между сторонами, которые представляют суду свои доказательства. Признание обвиняемым своей вины практически (в 90 % случаев) исключает дальнейшее исследование доказательств, влечет прекращение процесса. Признание вины при подобном подходе к истине при соблюдении ряда формальных условий является достаточным основанием к постановлению обвинительного приговора. Сторонники такого подхода к установлению обстоятельств события преступления полагают, что процесс с крайней формой состязательности, хотя прямо и не ставит целью установление истины, более эффективен в ее достижении, чем иной тип уголовного процесса [2, с. 115-118]. Основываясь на отсутствии ярко выраженного критерия правильности установления обстоятельств уголовного дела, англо-американская доктрина исходит из формального понимания истины. Истина считается установленной, если достигнуто соответствие не объективной действительности, а заранее заданным условиям, правилам.

Гораздо более надежным представляется установление реального соответствия действительности знаний дознавателя, следователя, прокурора, судьи о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, что и составляет содержание объективной истины в уголовном процессе. Конечно, в случае исчерпанности всех процессуальных возможностей устранения сомнений в виновности конкретного лица необходимо руководствоваться правилами процессуальной формы, в частности, принципом презумпции невиновности. Согласно этому принципу недоказанная виновность равна доказанной невиновности, т. е. оправдательный приговор постановляется не потому, что истина в этом случае осталась неустановленной, а ввиду того, что законодатель обязывает считать

невиновность лица доказанной. Требования процессуальной формы, воплощая в себе гносеологические закономерности и достижения общественной практики, безусловно, способствуют достижению истины по уголовному делу. Вместе с тем, представляя собой определенные шаблоны, они в некоторых случаях выражают условности, правовые фикции, а не действительное состояние дел. Характерным в этом отношении являются положения, вытекающие из презумпции невиновности, состязательности процесса, правил о доказательственном значении признания обвиняемым своей вины и др. [4, с. 320-322].

В теории традиционно считается, что единственным критерием достижения истины является практика, практическая деятельность как единственная объективная категория, лежащая за пределами сознания человека. Однако в уголовном процессе, за исключением отдельных обстоятельств, выводы реально практикой не проверяются. Поэтому в качестве критерия истины в уголовном процессе рассматриваются не конкретные опытные действия, а обобщенная историческая практика. Как критерий истины в уголовном процессе практика применяется чаще всего в опосредованной форме, когда результаты доказывания сопоставляются с иными данными, которые уже были проверены в ходе правоприменения. При этом критерием истины является не только практическая деятельность по данному уголовному делу. Практика в широком смысле охватывает и личный профессиональный опыт следователей, дознавателей, прокуроров и судей, коллективный опыт предварительного расследования и судебного разбирательства иных уголовных дел, отраженный в процессуальных нормах, криминалистических рекомендаций, обобщениях следственной и судебной практики, разъяснениях Пленума Верховного суда РФ и др. Критерием истины в уголовном процессе является также практическая деятельность человека в иных сферах жизни: экономической, культурной и др. Таким образом, критерий

истины в уголовном процессе – это прежде всего общественно-историческая практика в самом широком философском смысле.

Спорен вопрос о характере и содержании истины в уголовном судопроизводстве. Известно, что под абсолютной истиной понимается полное знание о чем-либо, относительная истина – знание правильное, но неполное. Истина, устанавливаемая в уголовном процессе, с одной стороны, является абсолютной, с другой – относительной. Так, абсолютно полно должны быть установлены те стороны обстоятельств, имевших место в прошлом и относящихся к предмету доказывания, без которых невозможно правильное разрешение дела. Иные же стороны, элементы, детали этих обстоятельств могут оставаться невыясненными, поскольку они не имеют значения для уголовного дела. Таким образом, истина, устанавливаемая в уголовном процессе, в этом плане – абсолютно-относительная [8, с. 15].

По вопросу о содержании истины, то есть по вопросу о том, какие элементы деятельности органов уголовного судопроизводства составляют деятельность по установлению истины, также предпринимались попытки обосновать различные суждения. Существует мнение, что «истина приговора должна включать в себя установление фактов, соответствующих объективной действительности, правовую оценку этих фактов и меру наказания» [11, с. 53]. Сторонники данной точки зрения полагают, что истина установлена лишь тогда, когда правильно установлены фактические обстоятельства уголовного дела, деяние правильно квалифицировано и назначена соответствующая содеянному мера наказания. Другое мнение: в содержание истины входит лишь правильное установление фактических обстоятельств и верная юридическая квалификация, а назначаемая судом мера наказания в содержание истины не входит [10, с. 524]. Однако установление фактических обстоятельств уголовного дела производится с помощью доказательств на основе принципов и иных норм уголовного судопроизводства («информационное дока-

зывание»). Квалификация же осуществляется на основе принципов и иных норм уголовного права и производится не при помощи доказательств, а логическим путем («логическое доказывание»). Поэтому третья позиция заключается в том, что в содержание истины входит только соответствие знаний фактическим обстоятельствам уголовного дела [9, с. 38]. Данная позиция представляется правильной.

Таким образом, познание в уголовном процессе (уголовно-процессуальное познание, или доказывание) – это основывающаяся на общих закономерностях познания и урегулированная уголовно-процессуальным законом деятельность компетентного должностного лица, направленная на установление фактов и обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Соч. В 4-х т. – М., 1975. Т. 1. – 680 с.
2. Бернем У. Суд присяжных заседателей. – М., 1995. – 148 с.
3. Бобров М. Становление судебной власти // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. – № 7. – С. 19-22.
4. Григорьев В.Н. О формальном и содержательном в достижении истины по уголовным делам // Общество и право в новом тысячелетии: Материалы международной научно-теоретической конференции. В 2-х т. – Москва–Тула: ЮИ МВД России, 2001. – Т. 2. – С. 320-328.
5. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс. Учебник. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.
6. Гриненко А.В. Система принципов и цель производства по уголовному делу // Правоведение. 2000. № 6. С. 179-192.
7. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В.А. Власихина. – М., 2000. – 212 с.
8. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. – Саратов, 1960. – 98 с.
9. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. – Воронеж, 1995. – 234 с.
10. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М., 1989. – 816 с.
11. Мухин И.И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. – Л., 1971. – С. 53.
12. Печенкин А.А. Вводные замечания // Современная философия науки: Хрестоматия. – М., 1994. – 548 с.
13. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 246 с.
14. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. – М., 1973. – 736 с.

УДК 343.915

Коновалова И.А.

Московский государственный областной университет

**ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО СУБЪЕКТА
КОРЫСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

I. Konovalova

Moscow State Regional University

**OBJECTIVE AND SUBJECTIVE SYMPTOMS OF A MINOR SUBJECT
OF SELFISH- ORIENTED CRIME**

Аннотация. В статье описываются особенности личности несовершеннолетнего корыстного преступника, в том числе, как объекта социальных связей и влияний и как субъекта, способного к активной целенаправленной, преобразующей деятельности. Анализируются признаки социально-демографические, социально-психологические и индивидуально-психологические, оптимально отражающие единство, взаимосвязь и взаимообусловленность социальной и биологической составляющих индивида. Акцентируется внимание на особенностях типологии несовершеннолетних преступников.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, особенности личности несовершеннолетних, причинностно-мотивационный комплекс подростковой преступности, субъект корыстно-ориентированной преступности.

Abstract. This article describes the features of the individual juvenile offender self-serving both as an object of social ties and influences and as a subject capable of actively targeted, transforming activity. The author analyzes socio-demographic, psychosocial and individual psychological signs reflecting the unity the relationship and interdependence of social and biological components of the individual. The focus is made on the characteristics of the typology of juvenile offenders.

Key words: juvenile delinquency, personality traits of delinquents, causal-and motivational complex of juvenile crime, a subject of selfish-oriented crime.

Изучение личности несовершеннолетнего преступника имеет важное криминологическое и уголовно-правовое значение, т. к. в центре внимания оказывается подросток, сознание и психика которого, в отличие от взрослого индивида, находятся в стадии формирования, вследствие чего они более восприимчивы как к позитивным, так и к негативным влияниям. В силу возрастных особенностей личность несовершеннолетнего характеризуется специфическим набором психологических свойств и качеств, которые, подвергаясь воздействию неблагоприятных условий жизни и воспитания, нередко деформируются, повышая тем самым вероятность преступного поведения.

Причинностно-мотивационный комплекс подростковой преступности, как и преступности в целом, с одной стороны, обусловлен определенными особенностями личностных характеристик виновного, его психофизиологическими данными, а с другой, формируется в процессе жизнедеятельности индивида в рамках определенного общества и под непосредственным его влиянием. В этой связи прав С.С. Рыжаков, утверждая, что человек становится личностью в процессе социализации, т. е. в процессе воспитания и освоения социальных

функций [4, с. 11]. Таким образом возникает некое двуединство социального и биологического в человеке, его осознание себя частью общества, составляющим элементом сложной и многоликой социальной системы, что порождает как его личностное самосознание, так и восприятие в таковом качестве индивида окружающими.

Личность – это относительно устойчивая, динамичная, социально обусловленная совокупность духовных, общественно-политических и морально-волевых качеств человека, сознание и поступки которого характеризуются определенной степенью социальной зрелости и стремлением проявить свою индивидуальность, индивидуальные особенности [1, с. 33]. Сказанное выше свидетельствует о целостно-системном характере личности преступника, как и личности вообще, и обуславливает ее криминологическое изучение одновременно в двух аспектах: с одной стороны, как объект социальных связей и влияний, с другой – как субъекта, способного к активной целенаправленной, преобразующей деятельности. Поэтому можно выделить две взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы признаков, раскрывающих различные стороны подростка как субъекта корыстно ориентированной преступности: объективную и субъективную [3, с. 339].

Системность отдельных признаков, характеризующих несовершеннолетнего как субъекта преступления корыстной направленности, предполагает аналогичный подход к его изучению: единому взаимосвязанному анализу подлежат объективная и субъективная составляющие личности корыстно ориентированного подростка. Первую подсистему образуют следующие группы признаков: социально-демографические, уголовно-правовые и социально-психологические, иначе говоря, социальные позиции и роли, деятельность личности. Вторую – индивидуально-психологические, т. е. нравственно-психологические и физиологические (биологические). Наиболее целно и предметно личность несовершеннолетнего характеризуют такие группы признаков, как социаль-

но-демографические, социально-психологические и индивидуально-психологические, оптимально отражающие единство, взаимосвязь и взаимообусловленность социальной и биологической составляющих индивида.

Несовершеннолетний, совершающий преступления корыстной направленности – это, как правило, лицо мужского пола в возрасте 14-15 лет, имеющий на момент совершения преступления неполное среднее образование, являющийся учащимся средне-специального учебного заведения, воспитывающийся в семье с одним родителем, либо в условиях фактически распавшихся семейных отношений. Низкий уровень внутрисемейных связей и материально-бытовое неблагополучие семьи несовершеннолетнего замедляет процесс социализации ребенка внутри школы, формирует чувство отчужденности, обособленности, изолированности, вызывает у несовершеннолетнего ощущение дискомфорта и неудовлетворенности своим положением в обществе. В результате происходит отрыв подростка от социальной реальности: нарушается процесс прогнозирования им своих поступков, наблюдается неприятие общественных норм и требований, враждебное к ним отношение. Важнейшие психологические потребности несовершеннолетних в общении, в принятии и одобрении, в личностной ценности и самоуважении снимаются за счет самоутверждения в досуговых товарищеских группах, которые, в зависимости от характера и содержания ранее сложившегося у подростков комплекса ценностно-нормативных установок, играют решающую роль либо служат лишь стимулирующим и укрепляющим фактором в формировании их криминогенных ориентаций и взглядов.

Уровень правосознания несовершеннолетних, совершивших корыстные преступления, характеризуется обыденно-нигилистическими представлениями о характере преступности, степени ответственности, неотвратимости наказания; они не понимают социальной значимости уголовного закона как регулятора общественных отношений,

представляя его как систему формальных запретов. Ощущение безнаказанности активизирует криминальную активность подростков, влияет на степень опасности совершаемых преступлений, ее качественную и количественную характеристики. К основным чертам характера и психическим особенностям несовершеннолетних, совершающих корыстные преступления, можно отнести: раздражительность, неадекватное реагирование на психогенно-травмирующую ситуацию, склонность к импульсивным поступкам, индифферентное, циничное отношение к общепринятым человеческим ценностям, к бедам и неприятностям других людей, податливость, внушаемость, подверженность негативному влиянию несовершеннолетних правонарушителей либо своих более опытных сверстников. Среди приоритетных целей, достижение которых для подростков выступает залогом успеха, доминируют позиции, связанные со стремлением обладать овеществленными благами: материальное благополучие, достаток является для них главной жизненной ценностью. Отсюда побуждающие факторы большинства корыстных преступлений несовершеннолетних в основном сводятся к стремлению непосредственно приобрести материальные ценности или средства (деньги) для их приобретения.

Тип личности несовершеннолетнего корыстно ориентированного преступника выделяется на основании четкого однозначного критерия, представляющего собой главный содержательный компонент, характеризующий ту или иную группу лиц. С учетом микросреды, под воздействием которой фор-

мируется личность несовершеннолетнего, данных о предшествующем поведении подростка и специфики содержательной стороны сознания, возможно выделить три типа несовершеннолетних, совершающих корыстные преступления: последовательно-криминогенный, ситуативно-криминогенный и ситуативный [2, с. 82]. Исходя из специфики видов корыстной мотивации, можно говорить и о соответствующих типах личности подростков, совершающих преступления корыстной направленности. Корыстная мотивация присуща всем несовершеннолетним, совершающим преступления рассматриваемой группы, однако, как показало проведенное исследование, данные мотивы далеко не однородны и имеют свои разновидности: корысть-нужда (корысть из бедности и безпризорности), корысть-накопительство, корысть-престиж, псевдокорысть (корыстно-утилитарные мотивы), корысть-игра, корысть-самоутверждение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Волкова В.М. Предупреждение преступности несовершеннолетних (социально-криминологический анализ): дис... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2000. – С. 212.
2. Коновалова И.А. Криминологическая характеристика корыстной преступности несовершеннолетних: Монография. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – 141 с.
3. Криминология: учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – С. 378.
4. Рыжаков С.С. Преступность несовершеннолетних и ее предупреждение средствами семейного и религиозного воспитания: По материалам Республики Бурятия: автореф. дис... канд. юрид. наук. – СПб, 2003. – С. 18.

РАЗДЕЛ III. ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

УДК 347.78.028

Прокопенко О.П., Рожков А.А.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ФОРМАЛЬНЫХ КРИТЕРИЕВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ

O. Prokopenko, A. Rozhkov

Moscow State Regional University

TO THE ISSUE OF FORMAL CRITERIA VALUE IN LITERARY WORKS

Аннотация. В настоящей статье анализируется актуальный вопрос о важности соответствия произведений литературы формальным требованиям для разрешения гражданско-правовых споров по поводу их правопреемства (наследования). Для реализации поставленной цели в научной статье рассматривается значимый вопрос о необходимости предложения такой классификации объектов авторского права, которая позволит обеспечить единство понимания и применения законодательства в области авторского права.

Ключевые слова: проблемы классификации, произведения литературы, устные произведения литературы, производные произведения, зависимые произведения, творческая деятельность автора, наследование устных произведений, объект наследования, самостоятельность литературных произведений.

Abstract. The present article deals with quite a pressing problem of literary works conformity to formal requirements in order to resolve civil law inheritance disputes. The author's stance is the necessity of suggesting such a classification of copyright objects that could provide the unity of understanding and enactment of copyright law.

Key words: problems of classification, literary works, oral literary works, secondary works, dependent works, author's creative activity, inheritance of oral literary works, the object of inheritance, independence of literary works.

Под классификацией, в том числе и произведений литературы, принято понимать установившуюся систему знаний, понятия которой означают упорядоченные группы, по которым распределены объекты некоторой предметной области на основании их сходства в определенных свойствах [10, с. 9]. Полноценная классификация требует не только выявления самостоятельных критериев дифференцирования отдельных произведений, но и четких внутренних предпосылок систематизации произведений. Однако, по существу, нет единой классификации произведений – объектов авторского права. Так как существует разделение

объектов авторского права на триаду произведений, то, как мы полагаем, целесообразно и классификацию выстраивать, относя определенные объекты именно к этим классификационным группам.

На наш взгляд, одним из первых классификационных оснований является признак фиксации результата творческой деятельности автора на материальном носителе. Зафиксированные таким способом произведения составляют наибольшее количество объектов авторского права и это – бесспорная позиция. Вторая группа немногочисленна и состоит из устных произведений, публично произнесенных перед аудиторией. Одновременно с этим представляется достаточно затруднительной их защита. В данном аспекте следует согласиться с суждением А.П. Сергеева о том, что устная форма произведения литературы является крайне неустойчивой, легко может быть утрачена или искажена. Поэтому приводимые в литературе отдельные примеры воспроизведения по памяти единожды услышанных произведений ничего не доказывают [8, с. 13]. Воспроизвести через определенный промежуток времени услышанное из уст автора произведение *дословно* (курсив наш – О.П., А.А.) практически невозможно. Даже обладающие феноменальной памятью слушатели допустят искажения или неточности особенно, если момент восприятия произведения и его воспроизведение по памяти удалены друг от друга во времени. Тогда становится совершенно очевидной необходимость указания на публичный характер произнесения устного произведения, призванного определенным образом, в случае нарушения авторских прав, помочь в защите прав автора на произведение, не позаботившемся о придании произведению литературы более устойчивой формы. Подтверждением этому является и целое направление в психологии, обосновывающее невозможность точного воспроизведения произведения, получившего название «интеллектуальной активности как психологического аспекта изучения творчества» [1, с. 182-195]. В рамках указанного подхода иллюстрируются примеры, позволяющие с до-

стоверностью утверждать, что первоначально человеку показанный или произнесенный образец, сообразуясь с различной интеллектуальной активностью, последующим человеком посредством речи будет передаваться с искажением.

Поэтому в литературе отмечается, что «... российской судебной практике не известны споры по поводу нарушений авторских прав на данную категорию произведений» [8, с. 128]. Действительно, проведенный нами анализ различных источников, в том числе при изучении судебных архивов, архивов Российского авторского общества, не дал положительных результатов из-за отсутствия споров данной категории. На основании изложенного мы можем сделать обоснованный вывод, что сам процесс наследования устных произведений крайне затруднен. Любая же фиксация на материальном носителе устного литературного произведения в процессе принятия наследства будет свидетельствовать об изменении формы данного объекта. Проблематичность наследования устных произведений, вместе с тем, не означает отрицания за публичным исполнением и произнесением значения юридического факта, порождающего определенные правовые последствия. Публичным исполнением и произнесением произведений литературы достигается их воспроизведение. Вместе с тем практика Российского авторского общества показывает, что наследники нередко обращаются с просьбой защиты произведений литературы. Однако специалисты могут помочь в данном вопросе, если произведение литературы было при жизни автора известно широкому кругу лиц или зафиксировано на материальном носителе. Об этом напрямую свидетельствуют примеры судебной практики.

Директору Северо-Западного филиала Российского авторского общества Н.П. Новиковой от наследницы В.А. Гаврилина, Н.Е. Гаврилиной, проживающей в Санкт-Петербурге, было направлено заявление. Наследнице стало известно, что в первом номере журнала

«Наш современник» за 2002 г. страницы с 142 по 162 представляют перепечатанный текст из книги Валерия Гаврилина «О музыке и не только... Записи разных лет». Наследница в письме указала, что редакция журнала за разрешением к ней не обращалась. Было подготовлено письмо от 26.02.2002 г. Северо-Западного филиала РАО с просьбой помочь во взыскании компенсации и принуждения редакции журнала опубликовать извинения в адрес наследницы. При помощи РАО данный спор был урегулирован 04.07.2002 г., в результате чего все просьбы истцов были удовлетворены. Такие дела встречаются в практике Российского авторского общества достаточно часто, однако реальная помощь может быть оказана наследникам, если произведения литературы были зафиксированы на материальном носителе.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод, что объектом наследования могут стать только произведения литературы, фиксированные на материальном носителе. По наследству, согласно ГК РФ [3], возможен переход вещей, иного имущества, имущественных прав. Под переходом исключительного права по наследству подразумевается переход имущественных прав автора к наследникам. В случае наследования устных литературных произведений возможна фикция: по наследству переходят права на произведение, которого нет, оно – плод фантазий или теорий автора, при его жизни не материализовавшиеся. Другими словами, объект наследования не идентифицируем ни с чем, что может составлять содержание наследства. Произведения литературы, зафиксированные на любом материальном носителе, условно можно подразделить на следующие группы, причем условность здесь будет свидетельствовать о невозможности перечисления в законодательных нормах закрытого, исчерпывающего перечня произведений:

- произведения художественной литературы;
- литературные произведения личного характера;

- научные произведения;
- названия;
- интервью, дискуссии, литературные записи;
- сборники и иные составные произведения;
- программы для ЭВМ;
- производные произведения.

Относительно производных произведений (то есть произведений, представляющих собой переработку) предлагается деление на самостоятельные и зависимые [7, с. 10] произведения. В теории гражданского права можно встретить теоретические положения, согласно которым природа создания объектов авторского права различна, практическое значение этого деления заключается в том, что оригинальные произведения используются их авторами исключительно по их собственному усмотрению, а для использования зависимых требуется получение разрешения обладателей авторских прав. Это называется представлением права на переработку. Напротив, если предшествующее произведение попало в общественное достояние, никакого разрешения для создания производных произведений не требуется, поскольку право на переработку является элементом имущественного права автора. Но вместе с тем право на переработку не следует смешивать с личным имущественным правом автора, ведь переработка может исказить мысль или намерение автора и даже причинить ущерб репутации личности автора – создателя оригинального произведения.

К числу производных произведений принято относить адаптации, переводы, обновленные произведения, обработки, резюме, выдержки и любые переработки ранее существовавшего произведения, в результате чего появляется иное произведение. Самостоятельность производного произведения может проявляться как в композиции, так и в форме выражения (например, в адаптациях), или только в форме выражения (например, в переводах) [6, с. 96-97]. Для получения авторско-правовой защиты производная работа должна достаточно отличаться от ори-

гинала, для того, чтобы расцениваться как «новая работа» или содержать значительный объем нового материала. Незначительные изменения или дополнения небольшого объема к существующей ранее работе не будут квалифицироваться как новая версия для целей получения авторского права [5, с. 59]. Новый материал должен быть подлинным и подлежать получению авторского права само по себе. Французский ученый Р. Плэзан считает, что производное произведение «создается путем использования ранее созданных произведений, один или несколько элементов которых видоизменяются, а оригинальные черты остаются». В.Я. Ионас полагал, что во всех «переработках» происходит полное обновление одного из существенных компонентов произведения: появляется новая внешняя форма, в которой, однако, остается идейное и образное содержание оригинала [4, с. 115].

Перевод произведения на другой язык также является производным видом литературных произведений, охраняемых авторским правом. Автор может сам осуществить переводческую деятельность, но обычно эта работа выполняется другим лицом – переводчиком. Представляется очевидным, что в любом творчески выполненном переводе неизбежно отражается индивидуальность личности самого переводчика. Поэтому объектом авторского права является лишь творчески обработанный литературный перевод, а подстрочные (дословные) переводы, мы считаем, соглашаясь с мнением М.В. Гордона, В.И. Корецкого и Г.А. Кудрявцева, не относимы к произведениям литературы [8, с. 132]. При переводе характер данного произведения не меняется, литературно-художественное произведение остается произведением художественной литературы, а научная монография – изложением результатов научных исследований. Следует заметить, что только в области произведений литературы возможен перевод текста, но представляется очевидным невозможность перевода на другой язык, например, музыкального произведения. В переводах следует точно передавать

содержание и стиль оригинального произведения. Это вынуждает переводчика решать идиоматические проблемы, которые иногда бывают столь серьезными, что могут потребовать подлинного воссоздания произведения на другом языке (что часто происходит с поэтическими произведениями).

Наследование перевода имеет особенность, которая заключается в существовании самостоятельного срока охраны перевода как объекта авторского права, независимо от срока охраны первоначального литературного произведения, на основе которого создан перевод. Как и в других видах переработок, для признания перевода самостоятельным объектом авторского права, необходимо наличие элемента творчества [9, с. 369]. Разумеется, степень творчества может быть при этом различной. Следовательно, в основе переводов лежит оригинальный авторский текст, поэтому может оказаться затруднительным доказательство существования плагиата или незаконного использования творческих усилий переводчика. Многие переводчики, предвидя подобные ситуации и стремясь обеспечить себе возможность доказать незаконное использование своих переводов, применяют специфические приемы, заключающиеся, например, в том, что в своих переводах они умышленно допускают незначительные, но весьма показательные ошибки, которые в случае обнаружения их в каком-либо другом переводе явятся доказательством незаконного использования сделанного ими перевода [6, с. 98]. Для перевода характерна его связь с оригинальным произведением. Возможны, однако, случаи, когда оригинал является лишь стимулом, вдохновляющим автора к созданию самостоятельного произведения на другом языке. Автор не ограничивает себя целью передать содержание чужого произведения на ином языке, а создает на этом языке, по существу, новое произведение, например, некоторые поэтические произведения М.Ю. Лермонтова – «Горные вершины» (из Гете), «Воздушный корабль» (из Зейдлица) и др. В таких случаях, конечно, не приходится говорить о переводе.

Возникают самостоятельные, оригинальные произведения.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу, что законодательное закрепление примерного перечня произведений – объектов авторского права имеет, скорее, информационный характер, позволяющий лишь ориентироваться в перечне объектов авторского права. Если информационный характер законодательства обязан отражать общее содержание закрепленных в нем положений, то его содержательный аспект должен выражаться через комментирование нормативных актов. Соответственно, к классификации произведений литературы некорректно подходить только как к юрико-техническому мероприятию. Наиболее полноценное решение правовых и социальных задач возможно путем комментирования учеными и правоприменителями действующего законодательства и закрепленной в нем классификации объектов интеллектуальной собственности. Предлагаемые нами средства классификации произведений литературы могут быть использованы при комментировании норм ГК РФ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богоявленская Д.Б. Интеллектуальная активность как психологический аспект изучения творчества // Исследование проблем психологии творчества / Отв. ред. Я.А. Пономарев. – М.: Наука, 1983. – 460 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 30.06.2008) // СЗ РФ. 03.12.2001. – № 49. – Ст. 4552.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 08.12.2011) // СЗ РФ. 25.12.2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.
4. Дюма Р. Литературная и художественная собственность. // Авторское право Франции: Пер. с фр. – М.: Международные отношения, 1989. – 384 с.
5. Ионас В.Я. Произведения творчества в гражданском праве. – М.: Юридическая литература, 1972. – 168 с.
6. Липчик Д. Авторское право и смежные права / Пер. с фр.; предисловие М. Федотова. – М.: Ладомир, Издательство ЮНЕСКО, 2002. – 788 с.
7. Проблемы авторского права в деятельности публичных библиотек: Информационно-аналитический материал для библиотек / Автор-составитель А.А. Викулин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 41 с.
8. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: Учебник – 2-ое изд. перераб. и доп. – М.: ТК Велби, 2008. – 752 с.
9. Советская энциклопедия. Третье издание. В 30-ти томах. Т.19. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: «Советская энциклопедия», 1975. – 933 с.
10. Субботин А.Л. Классификация. – М.: Издат-во ИФ РАН, 2001. – 94 с.

РАЗДЕЛ IV. Трибуна молодого учёного

УДК 349.22

Абдуллаев Э.Э.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СРОЧНОГО ТРУДОВОГО ДОГОВОРА В ТРУДОВОМ ПРАВЕ ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

E. Abdullayev

Lomonosov Moscow State University

THE LEGAL REGULATION OF TERMINAL LABOUR CONTRACT IN LABOUR LAWS OF THE UNITED ARAB EMIRATES AND THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье автор сравнивает порядок заключения срочного трудового договора в Объединенных Арабских Эмиратах и в Российской Федерации по следующим критериям: максимальный срок действия трудового договора; свобода заключения срочного трудового договора; возможность трансформации срочного трудового договора в бессрочный; порядок прекращения срочного трудового договора и санкции в случае досрочного прекращения по инициативе одной из сторон. Автор приходит к выводу, что баланс в правовом регулировании отношений сторон срочного трудового договора в Объединенных Арабских Эмиратах смещен в пользу работодателя. В Российской Федерации, наоборот, более защищены интересы работника, работающего по срочному трудовому договору.

Ключевые слова: срочный трудовой договор, ОАЭ, Закон ОАЭ о регулировании трудовых отношений.

Abstract. The author of the article compares the procedure of concluding a labour contract for a definite term in the United Arab Emirates and the Russian Federation according to the following criteria: the maximum term of the labour contract; the freedom of entering into a labour contract for a definite term; the possibility of transforming a labour contract for a definite term into an indefinite term labour contract; the procedure and penalties in case of termination of definite term labour contract at discretion of one of its parties.

The author comes to a conclusion that the balance in legal regulation of relations between parties to a definite term labour contract is shifted in employer's favour. Unlike, in the Russian Federation the interests of the employee under definite term labour contract meet more substantial legal protection.

Key words: labour contract for a definite term, the United Arab Emirates, UAE law on regulation of labour relations.

Понятие срочного трудового договора известно трудовому праву как Объединенных Арабских Эмиратов, так и Российской Федерации. Но в правовом регулировании указанных институтов в двух странах имеются существенные различия, отражающие специфику

регулирования трудовых отношений. Преимущество возможности заключения срочных трудовых договоров для работодателя состоит в том, что они могут обеспечить наем рабочей силы для реализации конкретных проектов и задач, выполнение которых ограничено определенными сроками. Кроме того, экономическая практика последних лет показала, что использование заключаемых на определенный срок трудовых договоров зачастую является способом «оптимизации» численности персонала на случай экономических спадов и нестабильности. Работник же, как правило, заинтересован в установлении более продолжительных и стабильных трудовых отношений, сопровождающихся установленными законом социальными гарантиями и защитой. Поэтому в мировой практике отношение к срочному трудовому договору в мировой практике правового регулирования трудовых отношений является очень осторожным. Так, в Рекомендации МОТ № 166 «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» (1982) предусмотрено запрещение заключения срочных трудовых договоров в целях уклонения от предоставления прав и гарантий, предусмотренных для работников, с которыми заключается трудовой договор на неопределенный срок [3, с. 207]. Эта же норма воспроизведена в ч. 6 ст. 58 Трудового кодекса РФ.

Сравнительное исследование правового регулирования срочного трудового договора представляется целесообразным провести по следующим критериям: максимальный срок действия трудового договора; свобода заключения срочного трудового договора; возможность трансформации срочного трудового договора в бессрочный; порядок прекращения срочного трудового договора и санкции в случае досрочного прекращения по инициативе одной из сторон. Максимальный срок, на который может быть заключен срочный трудовой договор, составляет в Российской Федерации пять лет (ст. 58 ТК РФ), в ОАЭ – четыре года (ст. 38 Закона ОАЭ о труде). Таким образом, максимальный срок дей-

ствия срочного трудового договора является достаточно длительным – так, например, во Франции максимальный срок, на который может быть заключен срочный трудовой договор, не должен превышать 18 месяцев.

В трудовом праве ОАЭ срок, на который заключается трудовой договор, полностью зависит от соглашения сторон. В соответствии со ст. 38 Закона ОАЭ о труде трудовой договор может быть заключен на определенный или неопределенный срок, и необходимость каких-либо особых оснований для установления трудовых отношений именно на определенный срок законом не предусмотрена. Российское трудовое законодательство считает нормальным сроком действия трудового договора только неопределенный срок. Как следует из ст. 58 Трудового кодекса РФ, заключение срочного трудового договора допускается в случаях, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения.

Перечень таких случаев установлен законом (ч. 1 ст. 59 ТК РФ) – это случаи заключения срочных трудовых договоров: 1) на время исполнения обязанностей отсутствующего работника, за которым в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором сохраняется место работы; 2) на время выполнения временных (до двух месяцев) работ; 3) для выполнения сезонных работ, когда в силу природных условий работа может производиться только в течение определенного периода (сезона); 4) с лицами, направляемыми на работу за границу; 5) для проведения работ, выходящих за рамки обычной деятельности работодателя (реконструкция, монтажные, пусконаладочные и другие работы), а также работ, связанных с заведомо временным (до одного года) расширением производства или объема оказываемых услуг; 6) с лицами, поступающими на работу в организации, соз-

данные на заведомо определенный период или для выполнения заведомо определенной работы; 7) с лицами, принимаемыми для выполнения заведомо определенной работы в случаях, когда ее завершение не может быть определено конкретной датой; 8) для выполнения работ, непосредственно связанных со стажировкой и с профессиональным обучением работника; 9) в случаях избрания на определенный срок в состав выборного органа или на выборную должность на оплачиваемую работу, а также поступления на работу, связанную с непосредственным обеспечением деятельности членов избираемых органов или должностных лиц в органах государственной власти и органах местного самоуправления, в политических партиях и других общественных объединениях; 10) с лицами, направленными органами службы занятости населения на работы временного характера и общественные работы; 11) с гражданами, направленными для прохождения альтернативной гражданской службы. Иные случаи, в которых трудовой договор может заключаться на определенный срок, могут быть установлены Трудовым кодексом РФ или иными федеральными законами.

Без учета характера предстоящей работы и условий ее выполнения срочный договор может быть заключен по соглашению сторон в случаях, предусмотренных частью второй ст. 59 ТК РФ, а именно – с лицами, поступающими на работу к работодателям – субъектам малого предпринимательства; с пенсионерами по возрасту, творческими работниками, руководителями, совместителями и некоторыми другими категориями работников, установленными ТК РФ и иными федеральными законами. Признание возможности заключения трудового договора на определенный срок в указанных выше случаях является проявлением дифференциации правового регулирования труда при заключении трудового договора [1, с. 56-57]. В соответствии с принципом недопустимости ухудшения правового положения работника по сравнению с трудовым законодательством, трудовой договор не может

быть заключен на определенный срок даже с согласия работника, если в законе отсутствуют предусмотренные для этого основания. Сходные правила существуют и в трудовом законодательстве других зарубежных стран – например, Франции. В ОАЭ срок действия трудового договора, заключенного на определенный срок, может быть продлен по взаимному соглашению сторон на тот же или более короткий срок (ст. 38 Закона ОАЭ о труде). В трудовом законодательстве Российской Федерации такая норма отсутствует – более того, неоднократное продление срока действия срочного трудового договора может послужить основанием для переквалификации срочного трудового договора в бессрочный.

Как российское трудовое законодательство, так и трудовое законодательство ОАЭ допускают возможность трансформации срочного трудового договора в бессрочный. Так, в силу ч. 4 ст. 58 Трудового кодекса РФ в том случае, когда ни одна из сторон не потребовала расторжения срочного трудового договора в связи с истечением срока его действия и работник продолжает работу после истечения срока действия трудового договора, условие о срочном характере трудового договора утрачивает силу и трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок. Аналогичное правило содержится и в ст. 39 Закона ОАЭ о труде – трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок, если он был первоначально заключен на определенный срок, но обе стороны, без письменного соглашения между ними, продолжают исполнение договора после истечения его срока, или если трудовой договор был первоначально заключен на выполнение конкретной работы, без указания срока ее выполнения или работы, носящей временный характер, но стороны продолжают исполнение договора после завершения этой конкретной работы. Российским трудовым законодательством установлен такой несвойственный для ОАЭ способ трансформации срочного трудового договора в бессрочный, как судебное решение:

трудовой договор, заключенный на определенный срок при отсутствии достаточных к тому оснований, установленных судом, считается заключенным на неопределенный срок (ч. 5 ст. 58 Трудового кодекса РФ). Данная норма направлена на защиту работника от возможных злоупотреблений со стороны работодателя.

Истечение срока, на который заключен трудовой договор, в законодательствах обеих стран считается основанием прекращения трудового договора, если не имеется обстоятельств, с которыми закон связывает трансформацию трудового договора в бессрочный. Досрочное же прекращение трудовых отношений при срочном трудовом договоре регулируется в законодательствах двух стран различным образом. При этом имеет существенное значение, по чьей инициативе прекращаются трудовые отношения – работника или работодателя. По российскому трудовому законодательству работодатель вправе в одностороннем порядке расторгнуть трудовой договор лишь при наличии оснований, прямо указанных в законе (в частности, ст. 81 Трудового кодекса РФ). Эти основания могут быть связаны как с объективными экономическими причинами (например, ликвидация предприятия, сокращения численности или штата работников), так и с личностью работника (недостаточность квалификации, установленная при проведении аттестации), а также его виновным поведением (например, прогул, совершение хищения, разглашения охраняемой законом тайны). Характерно, что основания для увольнения работника по инициативе работодателя не зависят от того, на какой срок заключен трудовой договор.

В российской науке трудового права общепризнанным является мнение о том, что установление в законе исчерпывающего перечня оснований прекращения трудового договора имеет гарантирующую направленность. При этом значительное расширение оснований прекращения трудового договора по инициативе работодателя, произошедшее с принятием нового Трудового кодекса

РФ, подверглось в литературе существенной критике [2, с. 7-8]. Перечень оснований, по которым работодатель вправе расторгнуть трудовой договор до истечения его срока без санкций, изложен в ст. 120 Закона ОАЭ о труде, а именно в случаях, если работник: представил ложные сведения о своей личности, национальности, либо представил подложные сертификаты или документы; принят на условиях испытательного срока и уволен во время или по окончании испытательного срока; совершил проступок, приведший к существенным материальным потерям для работодателя – при условии, что работодатель сообщил об этом в течение 48 часов с момента, как ему стало известно о происшедшем; нарушил требования инструкций о технике безопасности на рабочем месте – при условии, что данные инструкции изложены в письменной форме и размещены на видном месте и устно доведены до сведения работника, если работник неграмотен; не выполняет свои основные обязанности по трудовому контракту и не устраняет нарушение, несмотря на письменное предупреждение о том, что он будет уволен в случае повторения нарушения; признан виновным компетентным судом в совершении преступления против чести или общественной нравственности; разгласил конфиденциальную информацию работодателя; обнаружен в рабочее время в состоянии опьянения или под воздействием наркотических средств; нанес оскорбление работодателю, ответственному менеджеру или коллеге в рабочее время; отсутствует на работе без уважительной причины 20 дней в течение года, или более семи дней подряд [4, с. 25]. Если работодатель расторгает срочный трудовой договор по иным причинам, он обязан компенсировать работнику причиненные убытки.

В российском трудовом праве за работником признается безусловное право в любой момент по собственной инициативе прекратить трудовые отношения с работодателем, причем срочный характер трудового договора не считается препятствием для увольнения. Единственным формальным требова-

нием, предъявляемым к работнику в данном случае, является письменное уведомление работодателя не менее чем за две недели (ст. 80 Трудового кодекса РФ). Однако и данное требование может быть отменено при наличии уважительных причин, препятствующих продолжению работником выполняемой работы (зачисление в образовательное учреждение, выход на пенсию). По трудовому законодательству Объединенных Арабских Эмиратов возможность прекращения срочного трудового договора по инициативе работника до истечения срока допускается, но сопряжена для работника с существенными санкциями. Показательно, что в ст. 113 Закона ОАЭ о труде возможность прекращения трудового договора по инициативе одной из сторон упоминается лишь применительно к трудовым договорам, заключенным на неопределенный срок. Таким образом, увольнение до истечения срока трудового договора считается нарушением договора. Безусловное право прекратить срочный трудовой договор без каких-либо санкций закреплено за работником только в двух случаях – если работодатель не выполняет своих обязательств по отношению к работнику, предусмотренных трудовым договором или законом, и если работник потерпел насилие от работодателя или законного представителя работодателя (ст. 121 Закона ОАЭ о труде).

В иных случаях работник обязан компенсировать работодателю причиненные убытки, размер которых не может превышать половины заработка за три месяца или за срок, оставшийся до истечения срока контракта (в зависимости от того, какой срок является более коротким), если иное не установлено условиями трудового контракта. Дополнительной санкцией, применяемой к работникам, прекращающим трудовые отношения до истечения срока срочного трудового договора, является лишение права на выплату выходного пособия. Статьей 138 Закона ОАЭ о труде установлено, что если работник по собственной инициативе уволится до истечения срока действия срочного трудового договора, он не имеет права на выплату выходного пособия.

Исключение установлено лишь для тех случаев, когда непрерывный стаж работы работника у данного работодателя превышает пять лет. Следовательно, работник, работающий по срочному трудовому договору, ставится в менее благоприятное положение, чем работник, с которым трудовой договор заключен на неопределенный срок. Согласно ст. 137 Закона ОАЭ о труде, в случае расторжения работником трудового договора, заключенного на неопределенный срок, он не утрачивает права на выплату выходного пособия.

Специфические санкции установлены для работников, не являющихся резидентами ОАЭ. В соответствии со ст. 128 Закона ОАЭ о труде, работник, не являющийся резидентом ОАЭ, оставивший работу без уважительных причин до истечения определенного трудовым договором срока, не может поступить на другую работу до истечения одного года с даты увольнения даже с согласия прежнего работодателя. Никакой другой работодатель не вправе нанять такого работника или продолжать с ним трудовые отношения до истечения указанного срока. Подобная жесткость в регулировании трудовых отношений с работниками-нерезидентами объясняется особенностями рынка труда ОАЭ, который формируется в основном за счет мигрантов. Учитывая повышенную потребность развивающейся экономики Объединенных Арабских Эмиратов в рабочей силе и длительность времени, необходимого для найма, подготовки и адаптации работников-мигрантов, законодатель становится на защиту работодателей, заинтересованных в продолжительных трудовых отношениях [5, с. 54]. Таким образом, баланс в правовом регулировании отношений сторон срочного трудового договора в Объединенных Арабских Эмиратах смещен в пользу работодателя. В Российской Федерации, наоборот, более защищены интересы работника, работающего по срочному трудовому договору.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ганеева З.М. Особенности заключения трудового договора: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 158 с.

2. Миронова А.Н. Трудовые споры о прекращении трудового договора: теоретические и практические аспекты. Дисс. ...канд. юрид наук. – М., 2007.
3. Трудовое право России / Под ред. А.М. Куренного. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2008. – 684 с.
4. Federal Law No 8, For 1980, On Regulation of Labour Relations // UAE Labour Law. GulfTalent.com, January 2007. – P. 23-56.
5. Moriniere J-M, Dr. Contracts of employment for definite term (a comparative study of the laws applicable in the UAE and in France) // تارمإل اقلود يف لمعل نوناق ملع تءاضا. 2008، ةدحتملا ةيببرعلا مقر يداحتالا (8) 1980. – P. 48-66.

УДК 343.342.3

Аваков А.И.

Московский государственный областной университет

БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ И УЛЬТРАПРАВЫМИ ДВИЖЕНИЯМИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

A. Avakov

Moscow State Regional University

THE FIGHT AGAINST EXTREMISM AND ULTRA-RIGHT MOVEMENTS: POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS

Аннотация. Данная статья посвящена формированию нормативно-правовой базы Российской Федерации по борьбе с экстремизмом вообще и ультраправыми движениями в частности. В статье рассматриваются наиболее важные этапы процесса формирования антиэкстремистского законодательства и анализируется практика борьбы с ультраправыми движениями в современной России. Автор статьи анализирует имеющиеся в современной литературе определения экстремизма и предлагает свой подход к пониманию этого деструктивного явления и к борьбе с ним.

Ключевые слова: экстремизм, государственная политика, ультраправые движения, нормативно-правовая база, оппозиция.

Abstract. This article is devoted to the formation of the regulatory framework of the Russian Federation in the fight against extremism in general and ultra-right movements in particular. The article considers the most important stages in the formation of this legislation and the process of fighting ultra-right movements in modern Russia. The author analyzes the existing definition of extremism in Russia and suggests his approaches to understanding this destructive phenomenon and struggling with it.

Key words: extremism, public policy, ultra-right movements, regulatory framework, opposition.

Успешная борьба с ультраправым движением невозможна без эффективного функционирования законодательства по борьбе с экстремизмом. В Российской Федерации антиэкстремистские законы не всегда вызывают положительные отклики. Причина такого положения дел заключается в противоречивости законодательной базы, в отсутствии ясного понимания феномена экстремизм и, соответственно, методов борьбы с ним. Для иллюстрации указанного тезиса рассмотрим этапы формирования антиэкстремистского законодательства в современной России. В 1995 г. первый Президент России Б.Н. Ельцин издал указ «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» [3]. В документе, наряду с указаниями об усилении противодействия экстремизму, давалось задание подготовить проекты законов о внесении в уголовное законодательство и законодательство об административных правонарушениях изменений и дополнений, направленных на установление ответственности за проявление фашизма и иных форм экстремизма.

В стране начались дебаты о необходимости определения понятия «фашизм» для того, чтобы сделать этот термин «юридическим оружием» в борьбе с экстремизмом. Однако в ходе споров единой точки зрения на явление выработано не было, и законодатели решили отказаться от самого определения фашизма, так как четкая дефиниция может ограничить

юристов в борьбе с данным негативным явлением. На наш взгляд, такая позиция свидетельствует о сознательном нежелании правящей элиты конкретизировать российское законодательство. Однако возможность свободно трактовать законы, в первую очередь, оказывает помощь преступникам, позволяя им оспаривать в различных судебных инстанциях обвинения в фашистском характере созданных ими организаций. В то же время, в случае закрепления термина «фашизм» вспоминаются определения советской эпохи, где фашистские режимы связываются с классом крупных предпринимателей, который подавляет народное стремление к свободе. В условиях современной России подобные формулировки, отраженные в законах, стали бы компрометировать власть, давая возможность оппозиции реанимировать марксистскую риторику в борьбе за классовое господство.

В 1997 г. вышел новый указ Президента Б.Н. Ельцина «О создании Комиссии при президенте Российской Федерации по противодействию политическому экстремизму в Российской Федерации» [4]. В нем уже не использовался термин «фашизм». Отсутствовал он и в Федеральном законе Российской Федерации от 25 июля 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности» [5]. В нём было дано правовое определение явлениям экстремизм и экстремистская деятельность. При этом делались различия между этими категориями. Но в дальнейшем определение экстремизма было устранено. Одновременно в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» был принят Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием закона «О противодействии экстремистской деятельности» [6]. Несколько ранее (15 июня 2001 г.) была принята Шанхайская конвенция «О борьбе с экстремизмом и терроризмом», которую подписала и Российская Федерация [9]. Однако определение экстремизма в Шанхайской конвенции и в наших Федеральных законах сильно

отличались друг от друга. Если Конвенция выступает против вооружённых бандформирований, которые, прежде всего, желают получить власть, то российская законодательная база неконкретна, бессистемна и может применяться неоднозначно. Важным этапом в развитии антиэкстремистского законодательства России стала статья 282 Уголовного кодекса РФ о наказании за разжигание межнациональной и религиозной розни. Общество, понимая угрозу, которую несут ультраправые движения, готово согласиться на любые меры по обузданию ультраправых. Но впоследствии выяснилось, что определение экстремизма трактуется настолько широко, насколько это вообще возможно.

Таким образом, определение понятия «экстремизм» в российском законодательстве не существует. Вместо него гражданам России предлагается термин «экстремистская деятельность», то есть перечень признаков экстремизма. Наличие даже одного из них позволяет считать человека экстремистом и применять к нему меры уголовной ответственности. В число признаков экстремизма попало например и разжигание «социальной розни», что характеризует антиэкстремистское законодательство как настроенное не против фашиствующих элементов, а против любых радикальных организаций, прежде всего против левых. Современные российские исследователи, находящиеся на государственных позициях (Л.Я. Дадияни, Н.Е. Макаров, И.Л. Морозов и другие), также стремятся дать определение экстремизму, интегрируя в них и признаки как ультраправой, так и ультралевой деятельности. Однако в этом случае неизбежно теряется ясность понимания экстремизма, а те объяснения, что выдвигают исследователи, часто не соответствуют научным стандартам.

Само слово «экстремизм» обозначает приверженность к крайности, но, следуя такой трактовке, остается без ответа вопрос о том, что считать нормой, точкой отсчета. В СССР такой нормой выступал установившийся в результате Великой Октябрьской Социалистической Революции новый социально-эко-

номический и политический строй. Соответственно экстремизм в СССР рассматривался как деятельность, направленная на уничтожение завоеваний Октября. В современной Европе ключевое значение придаётся парламентаризму как средству наиболее справедливого решения социальных проблем. В определении Парламентской ассамблеи Европы (ПАСЕ) «экстремизм» трактуется как форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии. То есть здесь нормой выступает «парламентская демократия» [1]. Очевидно, что сегодня в России необходимо создать определение «политического экстремизма» и на его основе разработать более чёткое и конкретное законодательство по борьбе с экстремизмом в целом и ультраправыми движениями в частности, а после этого начать борьбу с ультраправыми движениями.

С принятием 19 мая 1995 г. Федерального Закона «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941-1945 годов» [7], Российская Федерация провозгласила начало борьбу с проявлениями фашизма. Россия взяла на себя обязательства принимать все необходимые меры по предотвращению создания и деятельности фашистских организаций и движений на своей территории. Но для исполнения такого рода обязательств необходимо не только определить, что такое экстремизм, но и сформулировать в законодательстве понятия «фашизм» и «национал-социализм». После определения понятий экстремизма и фашизма необходимо более четко и недвусмысленно выделить экстремистские действия, особенно те, которые связаны с насилием. По мнению В.Е. Хвоцевой, в современной России создается ситуация, когда закон в отношении одних может быть применен, в отношении других – нет [8, с. 140]. Таким образом, допуская двусмысленность, законодатель создает возможность для правоохранительных органов самостоятельно трактовать понятие «политический экстремизм», толковать нормы закона и принимать решения по их применению или непримене-

нию. Таким образом, вполне можно согласиться с мнением о том, что слабость и несовершенство законодательной и нормативной базы позволяет национал-радикалам «действовать нагло и безнаказанно» [8, с. 148].

Существует и другой аспект государственной политики по борьбе с экстремистской угрозой, выраженный в том, что государство стремится построить систему защиты за счет расширения действия запретов, применения санкций на более ранних этапах возможных противоправных действий. Но такого рода запреты вызывают сопротивление среди представителей многих общественных организаций, усматривающих в этих мероприятиях ущемление прав и свобод граждан. Между тем, свое мнение о путях профилактики экстремизма высказал и премьер-министр В.В. Путин: «Реакция может быть только одна. Дело даже не в ужесточении наказания, а в его неотвратимости. Я очень рассчитываю на то, что в обществе будут ясно и четко сформулированы принципы нетерпимости к подобного рода проявлениям, а наша правоохранительная система будет эффективно работать и вовремя приводить людей, которые совершают такие преступления, в чувство» [2].

Проанализировав состояние нормативно-правовой базы Российской Федерации по борьбе с экстремизмом и ультраправыми движениями в частности, мы пришли к следующим выводам. Необходимо отметить, что с позиции толкования экстремизма как крайности, в принципе, законодатель ведёт себя не строго, так как воспроизводит в федеральном законе диспозиции разных статей УК РФ и КОАП РФ, причем не всегда идентично, некоторые формулировки носят социально-политический характер, а не юридический. Логичнее было бы проявить последовательность и отнести к экстремизму наиболее общественно опасные преступные деяния. В ином случае характеризовать деятельность не как экстремистские проявления, а как поведенческие девиации.

Кроме того, необходимо разделить понятия «радикализм» и «экстремизм». Отличие

между ними заключаются в содержательной стороне различных идей и в методах их реализации. Радикализм может быть только идейным, а не действенным, в отличие от экстремизма, который всегда бывает действенным и крайне редко идейным. Доказательством последнего является тот факт, что один и тот же человек, являющийся экстремистом, может состоять и в левой организации, и в правой, и периодически переходить с одного идеологического фланга на другой. При этом подобное «путешествие» не будет смущать ни его, ни его соратников, так как, в первую очередь, экстремист хочет выразить свой протест, а вовсе не осуществлять борьбу за права и свободы народа, которая кажется ему сложной, длительной и, в конечном счете, бесполезной. Государственной власти России необходимо своевременно реагировать на вызовы времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Долгова А.И., Гуськова А.Я., Чуганов Е.Г. Проблема правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. – М., 2010 – 28 с.
2. Разговор с Владимиром Путиным - URL: <http://www.government.ru/docs/2638/> (дата обращения 05.09.2011).
3. Указ Президента РФ от 23.03.1995 N 310 – URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/ukazi/sbor01/text01276.htm> (дата обращения 01.02.2012).
4. Указ Президента РФ от 27.10.1997 N 1143 – URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=076660> (дата обращения 01.09.2011).
5. Федеральный Закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ – URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=013692> (дата обращения 05.09.2011).
6. Федеральный Закон от 25.07.2002 N 112-ФЗ – URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=013279> (дата обращения 05.09.2011).
7. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. N 80-ФЗ “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941 - 1945 годов” URL: <http://www.sarmolod.region64.ru/nrbfed/2006/01/1206?p=0> (дата обращения 01.02.2012).
8. Хвощева В.Е. Политическая активность: современные тенденции и новые формы: монография. – Челябинск: Изд-ий центр ЮурГУ, 2009. – 140 с.
9. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. – URL: <http://public-control.ru/about/2011-08-10-13-09-42/71.html> (дата обращения 08.10.11).

УДК 343.4

Мишанов А.А.

Санкт-Петербургский университет МВД России

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ИНТЕРЕСЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

A. Mishanov

St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

THE IMPROVEMENT OF CRIMINAL LAW REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR ENCROACHMENT ON CONSUMERS' INTERESTS

Аннотация. В статье исследуются возможности совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за совершение посягательств на интересы потребителей. Обосновывается необходимость обязательной уголовно-правовой и криминологической экспертизы всех принимаемых в сфере потребительского рынка нормативных правовых актов на предмет их коррупционности. Приводится классификация видов обмана как способа посягательства на имущество потребителя. Обосновывается целесообразность перевода ряда относительно малозначительных деяний из категории преступлений в категорию административных проступков.

Ключевые слова: преступление, экономическое преступление, интересы потребителей, потребительский рынок, права потребителей, мошенничество, обман.

Abstract. The article studies the possibilities of improving the criminal law regulation of responsibility for encroachment on consumers' interests. The need is substantiated for obligatory criminal law and forensic expertise of all legal acts circulated in the sphere of consumer market from the angle of their corruption character. The classification of the forms of fraud as a means of encroachment on consumer's property is given. The author considers the expediency of transfer of a number of relatively insignificant acts from the category of crimes into the category of administrative misdeeds.

Key words: crime, economic crime, consumers' interests, consumer market, consumers' right, swindle, fraud.

Специфику правового регулирования сферы потребительского рынка определяет, с одной стороны, статус лица, обозначенного как потребитель, с другой – содержание правоотношений, возникающих между лицом, производящим либо реализующим товары (работы, услуги), и лицом, их потребляющим. При этом все уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления, посягающие на права и интересы потребителей, имеют бланкетную диспозицию. Системность права предполагает, что правовые категории, используемые в диспозициях бланкетных норм, должны пониматься в соответствии с определением, данным в нормативном акте другой отрасли права, где закреплена соответствующая дефиниция, если таковая отсутствует непосредственно в УК РФ. Вопрос о терминологии должен быть решен в пользу использования законодательно оформленных определений исключительно в их единообразном понимании. В противном случае утрачивается смысл бланкетности как таковой, поскольку уголовно-правовая норма, содержащая указание на институт другой отрасли права и понимающая его иным образом, нежели нормативно определяющий его акт, является «лжебланкетной». Такая норма аномальна, поскольку изменяет

объем и содержание отношений, уже нормативно определенных, а применительно к уголовному праву, – фактически расширяет объем криминализированных отношений, что справедливым признать нельзя.

Содержание объекта уголовно-правовой охраны определяется в отраслевом законе. Как правило, эти социальные блага обозначены в качестве отношений, регулируемых соответствующим отраслевым законом либо иным нормативным актом – адресатом бланкетной нормы. Объем, а точнее, границы этих отношений определяются уже непосредственно нормой уголовного права, которая фактически обозначает условия наступления уголовной ответственности за посягательства на охраняемые позитивные отношения (указывая на способ совершения преступления, последствия, масштабы преступной деятельности и т. д.). Позиционируя это на группу преступлений, посягающих на права потребителей (иначе – совершаемых на потребительском рынке), следует обратиться к Закону РФ «О защите прав потребителей» [1]. Указанный Закон регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни и здоровья потребителей, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав [3, с. 18].

Таким образом, объектом уголовно-правовой охраны применительно к рассматриваемой группе преступлений будут являться указанные отношения на потребительском рынке. Совокупность этих отношений, формирующих структуру объектов рассматриваемых составов, более точно, на наш взгляд, определить как «межвидовой» объект группы преступлений, посягающих на права потребителей, который интегри-

рует в себя элементы видовых объектов нескольких глав УК РФ. Выделение межвидового объекта указанной группы преступлений позволит выделить функциональные связи рассматриваемых составов, как ориентированных на решение единой задачи – охрану отношений на потребительском рынке во всем их многообразии. Структура межвидового объекта отражает содержание отдельных видовых объектов рассматриваемых составов, большим из которых и по сути определяющим следует признать видовой объект гл. 22 УК РФ.

Исходя из качественных характеристик объекта посягательства в группе преступлений, совершаемых на потребительском рынке, выделяются:

во-первых, посягательства на имущественные права граждан (к преступлениям данной группы можно отнести состав, предусмотренный ст.ст. 159, 165 УК РФ – мошенничество) [2];

во-вторых, посягательства, нарушающие права потребителя на качество произведенного товара (выполненной работы или оказанной услуги), а также право на достоверную информацию об изготовителе (исполнителе, продавце), товаре (работе, услуге) (к преступлениям данной группы могут быть отнесены составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 146, 180, 181 УК РФ) [2];

в-третьих, посягательства на права потребителей на безопасность изготовленных товаров (выполненных работ или оказанных услуг) (к преступлениям данной группы следует относить составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 215¹, 238 УК РФ) [2].

Каждая из рассматриваемых групп в своей основе имеет различный (непересекающийся) видовой объект, характеризующий специфику отношений, охраняемых уголовным законом. Такой подход к классификации рассматриваемых составов не только обеспечивает их системный анализ с позиции места в структуре УК РФ, но и позволяет выявить характерные особенности охраняемых отношений. Обратимся к анализу указанных статей Уголовного Кодекса РФ.

Ст. 159 УК РФ [2]. Специфика методологического подхода к проблеме мошеннического хищения в рамках настоящей работы определяется сферой совершения данного преступления – потребительским рынком и содержанием его правоотношений. При совершении мошенничества на потребительском рынке, когда взаимоотношения участников основаны на гражданско-правовом договоре, способом посягательства на имущество потребителя всегда будет обман. Виды мошеннического обмана условно можно сгруппировать следующим образом:

а) по содержанию обманных действий (обман в количестве, потребительских свойствах и качестве, обман при расчетах);

б) по внешней форме выражения обмана (обман активный и пассивный);

в) по сфере потребительского рынка, в рамках которой действуют контрагенты (обман в торговле, сфере услуг и т. п.);

г) обман относительно времени наступления событий и фактов, о которых виновный вводит в заблуждение потерпевшего;

д) в зависимости от использования обманных средств (обман письменный и устный; с использованием документов и бездокументарный; обман с использованием служебного положения, обман с использованием предприятий и др.).

Криминализация потребительского рынка в настоящее время особенно актуализирует вопросы ответственности за реализацию фальсифицированной и контрафактной продукции. Норма об ответственности за мошенничество, т. е. преступление против собственности, не охватывает в полном объеме всего комплекса правовых благ, на которые осуществляется посягательство при совершении таких преступлений. Итогом такого пробела явились серьезные сложности в квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом фальсифицированной алкогольной продукции, пищевых продуктов и лекарственных средств. Выход из сложившейся ситуации представляется в криминализации оборота фальсифицированной продукции с установлением ответственности не только для про-

давцов, но и производителей, сконструировав состав как формальный. С учетом изложенного представляется необходимым дополнить УК РФ составом преступления в предложенной выше редакции. Привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в производстве и обороте фальсифицированной продукции, явится действенной профилактикой дальнейших мошеннических действий, а также будет способствовать предупреждению совершения преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ.

Ст. 171¹ УК РФ [2]. Существенные проблемы, обозначившиеся при анализе состава преступления, предусмотренного 171¹ УК РФ связаны с законодательным оформлением конструкции и особенностей его бланкетной основы. Из анализа диспозиции данного состава следует, что возможны следующие варианты производства и оборота немаркированной продукции:

а) продукция произведена легально, но не имеет соответствующей маркировки (либо снабжена поддельной маркировкой);

б) продукция произведена нелегально, маркировкой не снабжена либо маркировка поддельная.

В первом случае производимый и реализуемый потребителю немаркированный товар может быть также и фальсификатом. Таким образом, если алкогольная или табачная продукция произведена на легальном (лицензированном) производстве и по своим качественным показателям соответствует установленным требованиям, обязанность ее маркировки у производителя налицо. В случае же выпуска на том же предприятии фальсификата такая продукция не может быть маркирована, поскольку не является оригинальной. По той же причине отсутствует обязанность маркировать такую же продукцию и у производителя-нелегала, поскольку данное производство является незаконным по определению и выпускаемая на нем продукция не может (и не должна) быть маркирована ни при каких обстоятельствах. Изложенное приводит к выводу о том, что предметом преступления,

предусмотренного ст. 171¹ УК РФ в существующей редакции, может быть лишь продукция соответствующего качества, произведенная на легальном производстве, но не имеющая соответствующей маркировки. С учетом изложенного мы приходим к выводу, что производство фальсифицированной продукции и ее оборот находится вне рамок статьи 171¹ УК РФ, что может быть дополнительным аргументом неэффективности рассматриваемой нормы в борьбе с нелегальным производством алкоголя, в частности. Решение обозначенной проблемы видится в дополнении УК РФ статьей 200, предусматривающей ответственность за производство и оборот фальсификата, независимо от потребительских свойств продукции, с соответствующим исключением из УК РФ ст. 171¹ в ее нынешней редакции.

Ст. 180 УК РФ [2]. Анализ объекта данного состава позволяет сделать вывод о том, что незаконное использование товарного знака и иных средств идентификации товара или услуги также непосредственно посягает на интересы потребителя в части, относящейся к гарантиям эффективной защиты их прав в случаях приобретения товаров (получения услуг) ненадлежащего качества. Соответственно, в случае причинения потребителю материального ущерба в результате приобретения такого товара содеянное подлежит квалификации по совокупности с мошенничеством. Принципиальным отличием такого подхода является признание отношений потребительского рынка в качестве объекта уголовно-правовой охраны в рамках состава, предусмотренного ст. 180 УК РФ, поскольку использование чужого товарного знака предполагает не только причинение вреда интересам его законного правообладателя, но и противоправное вторжение в сферу прав и интересов потребителя. В этом случае незаконное использование чужого товарного знака является не чем иным, как способом информационного обмана потребителя (либо контрагента по сделке). В результате одного деяния виновный посягает на несколько самостоятельных объектов.

Нарушая установленный порядок использования товарного знака, виновный вторгается в сферу отношений потребительского рынка, посягая на собственность. Анализ криминологической природы двух указанных составов и изучение правоприменительной практики показывает функциональную связь между незаконным использованием чужого товарного знака и мошенничеством. Первое преступление, посягая на самостоятельные объекты (порядок использования товарного знака и отношения потребительского рынка), одновременно выступает в качестве способа совершения другого – мошенничества. Поскольку корысть при незаконном использовании товарного знака является преобладающим мотивом совершения данного преступления, последующая реализация преступного умысла трансформирует данное преступление в мошенническое хищение, для целей которого и был использован чужой товарный знак. В связи с этим действия виновного подлежат квалификации по совокупности ст. ст. 180 и 159 УК РФ.

Подводя итоги изложенному выше, следует отметить ряд существенных, как нам представляется, обстоятельств. Как отмечают практические работники правоохранительных и контролирующих органов, прокуратуры и судов, преступления, совершаемые на потребительском рынке, относятся к категории наиболее зависимых от уровня и степени активности и заинтересованности правоохранительных органов в борьбе с ними. Другими словами, при наличии политической воли, необходимых организационных усилий и материальных затрат, а главное, в случае наведения хотя бы относительного порядка на потребительском рынке, правоохранительным органам вполне по силам резко снизить уровень преступности. В настоящее время количество выявленных преступлений на потребительском рынке прямо пропорционально количеству проверок, проводимых сотрудниками правоохранительных органов, – так распространены на нем правонарушения и высок уровень их латентности.

По нашему мнению, необходимо перевести целый ряд относительно малозначительных деяний из категории преступлений в категорию административных проступков, т. е. необходимо не привлекать к уголовной ответственности, а штрафовать, причем с многократным (иногда в десятки раз) превышением суммы имущественного ущерба. В таком случае у нарушителя не будет судимости, но имущественное наказание подчас не менее эффективно, чем заключение под стражу. Если правонарушитель не располагает достаточными средствами для уплаты штрафа, то возможно применение, например, принудительных работ, о которых говорил в своем обращении к Федеральному собранию Президент России Д.А. Медведев, и др. В качестве одной из мер наказания для данной категории преступников мы предлагаем активное использование представленного действующим УК РФ наказания в виде лишения свободы на срок от двух месяцев (нижний предел срока лишения свободы в соответствии с ч. 2 ст. 56 УК РФ). В данной ситуации речь может идти о преступлениях, совершаемых на потребительском рынке, предусмотренных ч. 1 ст. 171¹ УК РФ (производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции). Что же касается целесообразности перевода ряда составов

преступлений из тяжких в категорию средней тяжести, то речь могла бы идти о некоторых видах преступлений из числа изучаемой категории: например, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ [2].

Хочется обратить особое внимание на необходимость обязательной уголовно-правовой и криминологической экспертизы всех принимаемых в сфере потребительского рынка нормативных правовых актов на предмет их коррупционности, в соответствии с Федеральным законом РФ от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», что представляется одной из важных предпосылок эффективности анализируемого уголовного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. О защите прав потребителей: закон РФ от 7 февраля 1992 г. N 2300-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. – № – 15. Ст. 766.
2. Тюнин В.И. Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере экономической деятельности. – СПб., 2001. – 224 с.
3. Уголовный кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. N 25. Ст. 2954.

УДК 347

Романов А.В.

Московский университет МВД России

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
КАЗЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ВХОДЯЩИХ В СИСТЕМУ МВД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

A. Romanov

Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia

**SOME FEATURES OF THE STATE INSTITUTIONS INCLUDED INTO THE
MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA**

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам, касающимся деятельности государственных казенных учреждений в качестве субъектов гражданско-правовых отношений. Законодательные изменения, вступившие в силу с 1 января 2012 г. с принятием Федерального закона № 83-ФЗ от 8 мая 2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», существенно изменили некоторые аспекты таких взаимоотношений. В статье приводятся некоторые нормы, касающиеся не только государственных казенных учреждений, но и их контрагентов в гражданско-правовых отношениях, а также дается их анализ.

Ключевые слова: учреждение, государственное казенное учреждение, гражданско-правовые отношения, государственное казенное учреждение как субъект гражданско-правовых отношений, МВД России.

Abstract. The article is devoted to some problems concerning the activity of state institutions as subjects of civil law relations. The legislative changes which have come into force since January 1, 2012 with enactment of the Federal law No. 83 passed on May 8, 2010 «On modification of separate acts of the Russian Federation in connection with improvement of a legal status of state (municipal) institutions», essentially affected some aspects of such relationship. The article considers some norms pertaining to state institutions and their counterparts in civil law relations.

Key words: institution, state institution, civil law relations, state institution as a subject of civil law relations, Ministry of the Interior of Russia.

Новые организационно-правовые формы юридических лиц, к которым можно отнести учреждения, появились в гражданском законодательстве России относительно недавно. Согласно ст. 120 Гражданского кодекса РФ учреждением признается некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера. В соответствии с данным определением можно выделить следующие признаки учреждения:

- 1) учреждение является некоммерческой организацией, т. е. его основной целью деятельности не является получение прибыли;
- 2) цель создания учреждения – осуществление управленческих, социально-культурных и иных функций некоммерческого характера.

Государственное учреждение может быть автономным, бюджетным или казенным. Понятие «казенное учреждение» введено в законодательство РФ Федеральным законом № 83-ФЗ

от 8 мая 2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» [1]. Таковым является государственное (муниципальное) учреждение, осуществляющее оказание государственных (муниципальных) услуг, выполнение работ и (или) исполнение государственных (муниципальных) функций в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления, финансовое обеспечение деятельности которого осуществляется за счет средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы. Вышеуказанным Федеральным законом установлено, что бюджетной сметой является документ, устанавливающий в соответствии с классификацией расходов бюджетов лимиты бюджетных обязательств казенного учреждения.

Учреждение как организационно-правовая форма юридического лица наиболее присуща бюджетным организациям, включающим в себя органы государственной власти и управления, образовательные учреждения, учреждения здравоохранения, культуры и т. д. Учреждения многих правоохранительных органов, в том числе Министерства внутренних дел Российской Федерации, также относятся к числу бюджетных учреждений. Учреждения являются довольно распространенными субъектами гражданско-правовых отношений и играют важную роль в обеспечении интересов государства и общества. Однако механизм правового регулирования участия учреждений МВД России в гражданском обороте в существующей системе права носит фрагментарный характер. Данное обстоятельство в некоторой степени связано с отсутствием комплексных концептуальных разработок в этом направлении. По этим причинам государственные бюджетные учреждения, входящие в систему МВД России, не имеют возможности в полной мере реа-

лизировать установленные законом правомочия в отношении закрепленного за ними имущества, а также эффективно защищать свои имущественные права.

Экономика рыночного типа предполагает участие в гражданском обороте на равных началах не только частноправовых, но и публично-правовых образований, к которым в полной мере относятся и учреждения МВД России. В обороте учреждений МВД РФ находятся большое количество товарно-материальных ценностей и финансовых средств. В действующем гражданском законодательстве не в достаточной мере отражены особенности правового регулирования отношений с участием этих учреждений, что препятствует эффективности в достижении целей, ради которых они созданы. Организации Министерства внутренних дел РФ, существовавшие до 1 января 2012 г. в организационно-правовой форме государственных бюджетных учреждений, в настоящее время являются государственными казенными учреждениями. Несмотря на такое усовершенствование, вопрос правового режима их имущества в настоящее время стоит как никогда остро. Проблемы здесь связаны в первую очередь с тем, что до настоящего времени не в достаточной степени решен вопрос материального обеспечения, в значительной степени связанный с отсутствием ряда принципов финансирования бюджетных учреждений.

До указанных изменений государство недофинансировало бюджетные учреждения и пыталось выйти из этого положения предоставлением возможности бюджетным учреждениям самим зарабатывать деньги за счет внебюджетных источников, переданного им имущества. Данное обстоятельство не способствовало качественному выполнению задач во исполнение целей, ради которых они были созданы. Сегодня внебюджетные доходы поступают в бюджет, который финансирует государственные казенные учреждения. Раньше получателями средств из таких источников были сами учреждения, что отвлекало их от выполнения на должном

уровне возложенных на них обязанностей. В настоящее время трудно судить о последствиях таких изменений законодательства, т. к. прошло небольшое количество времени с момента начала действия новых норм. Казенное учреждение отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении денежными средствами. При недостаточности указанных денежных средств субсидиарную ответственность по обязательствам такого учреждения несет собственник его имущества.

Особенности правового положения отдельных видов государственных и иных учреждений определяются законом и иными правовыми актами. Казенное учреждение согласно ст. 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации может осуществлять приносящую доходы деятельность, только если такое право предусмотрено в его учредительном документе. Учредительными документами согласно ст. 52 ГК РФ являются устав, либо учредительный договор и устав, либо только учредительный договор. В случаях, предусмотренных законом, юридическое лицо, не являющееся коммерческой организацией, может действовать на основании общего положения об организациях данного вида. К числу казенных учреждений, входящих в систему МВД РФ, в настоящее время можно отнести Московский университет МВД Российской Федерации, созданный Постановлением Правительства РФ № 418 от 14 июня 2002 г. «О создании Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации» [2]. Применительно к Московскому университету МВД России как казенному учреждению учредительным документом является Устав, который утверждается учредителем – Российской Федерацией.

В учредительных документах некоммерческих организаций, к которым относятся и учреждения, должны быть определены предмет и цели деятельности. Доходы от деятельности казенного учреждения поступают в соответствующий бюджет бюджетной системы Российской Федерации. Одной из

особенностей казенного учреждения является заключение и оплата государственных (муниципальных) контрактов, а также иных договоров, подлежащих исполнению за счет бюджетных средств, от имени Российской Федерации в пределах доведенных казенному учреждению лимитов бюджетных обязательств. Нарушение казенным учреждением требований настоящего пункта при заключении государственных (муниципальных) контрактов, иных договоров является основанием для признания их судом недействительными по иску органа государственной власти (государственного органа), органа управления государственным внебюджетным фондом, органа местного самоуправления, осуществляющего бюджетные полномочия главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств, в ведении которого находится это казенное учреждение.

В случае уменьшения казенному учреждению как получателю бюджетных средств главным распорядителем (распорядителем) бюджетных средств ранее доведенных лимитов бюджетных обязательств, приводящего к невозможности исполнения казенным учреждением бюджетных обязательств, вытекающих из заключенных им государственных (муниципальных) контрактов, иных договоров, казенное учреждение должно обеспечить согласование в соответствии с законодательством Российской Федерации о размещении заказов для государственных и муниципальных нужд новых условий по цене и (или) количеству (объемам) товаров (работ, услуг) государственных (муниципальных) контрактов, иных договоров. Сторона государственного (муниципального) контракта, иного договора вправе потребовать от казенного учреждения возмещения только фактически понесенного ущерба, непосредственно обусловленного изменением условий государственного (муниципального) контракта, иного договора. Данное положение также является одной из особенностей государственного казенного учреждения. Так, согласно ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного

возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. В данном случае контрагенты гражданско-правовых отношений не вправе требовать от государственного казенного учреждения как субъекта гражданско-правовых отношений возмещения упущенной выгоды.

Государственные казенные учреждения как субъекты гражданско-правовых отношений являются привлекательными контрагентами для коммерческих организаций, т. к., по сути, последние вступают во взаимоотношения с органами местного самоуправления, субъектами РФ, Российской Федерацией, но в плане ответственности они ограничены лишь фактически понесенным ущербом, который зачастую бывает меньше, чем упущенная выгода. При недостаточности лимитов бюджетных обязательств, доведенных казенному учреждению для исполнения его денежных обязательств, по таким обязательствам от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования отвечает соответственно орган государственной власти (государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, осуществляющий бюджетные полномочия главного распорядителя бюджетных средств, в ведении которого находится соответствующее казенное учреждение.

Государственное казенное учреждение в рамках своей компетенции, в том числе являясь субъектом гражданско-правовых отношений, самостоятельно выступает в суде в качестве истца и ответчика. Права государственного казенного учреждения как субъекта гражданско-правовых отношений имеют некоторые ограничения, к числу которых можно отнести отсутствие прав на предоставление и получение кредитов (займов), приобретение ценных бумаг. В то же время остается открытым вопрос правового режима имущества, приобретенного учреждением за счет средств от разрешенной собственником приносящей доход деятельно-

сти. Приносящая доход деятельность должна осуществляться казенными учреждениями в исключительных случаях, и лишь в целях обеспечения выполнения тех задач, для решения которых они созданы. Предоставление права осуществлять такого рода деятельность должно быть четко аргументировано, законодательно оформлено и находиться строго в рамках законодательства. Необходимо учитывать не только тот факт, что разрешенная собственником приносящая доход деятельность, осуществляемая учреждениями МВД России, не всегда относится к основной, но и то обстоятельство, что имущество учреждения порой подвергается риску быть изъятым по его обязательствам.

Таким образом, можно сделать вывод, что актуальность ряда вопросов, касающихся правового статуса казенных учреждений МВД России как субъектов гражданско-правовых отношений в свете последних законодательных изменений не вызывает сомнений. Введение статуса «казенное учреждение» Федеральным законом № 83-ФЗ от 8 мая 2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» концептуально изменило правовое положение государственных учреждений, в том числе входящих в систему МВД Российской Федерации. Находящиеся в управлении государственных казенных учреждений товарно-материальные ценности и финансовые средства, а также действия, связанные с их оборотом, недостаточно регламентированы гражданским законодательством, что препятствует эффективности их деятельности в достижении целей, ради которых они созданы.

Некоторые из особенностей правового статуса казенного учреждения, в том числе возмещение лишь фактически понесенного ущерба в процессе осуществления им гражданско-правовых прав и исполнения обязанностей, существенно влияют как на сам процесс исполнения гражданско-правовых полномочий, так и на защиту нарушен-

ных прав. Несмотря на то, что фактически казенное учреждение является своего рода посредником в осуществлении управленческих, социально-культурных и иных функций некоммерческого характера, присущих государству в целом, все же в рамках гражданского судопроизводства такого вида учреждение является самостоятельным. В связи с последними изменениями законодательства, казенное учреждение, осуществляя

деятельность, приносящую определенные доходы, не вправе самостоятельно распоряжаться ими, т. к. их получателями становится тот бюджет, который финансирует их основную, не связанную с получением прибыли, деятельность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Российская газета. 12.05.2010, № 5179.
2. Собрание законодательства Российской Федерации. 24.06.2002, № 25. Ст. 2451.

УДК 343.933

Узлова О.С.

Московский государственный университет приборостроения и информатики

ВОЗМОЖНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОТОСКОПИИ

O. Uzlova

Moscow State University of Instrument Engineering and Computer Science

MODERN FORENSIC OTOSCOPY RESOURCES

Аннотация. В статье кратко описывается история появления и развития интереса к исследованию ушных раковин и применения полученных данных при идентификации личности. Автором рассматриваются основные системы идентификации личности по ушной раковине, существующие на сегодняшний день: система А.В. Ианнарелли; польская система, система М. Никсона. Основываясь на перечисленных системах идентификации личности по ушной раковине, автор описывает ряд диагностических задач, раскрывает возможности экспертизы по следам и другим отображениям ушной раковины.

Ключевые слова: габитоскопия, ушная раковина, криминалистическая отоскопия, идентификационные системы.

Abstract. The article summarizes the history of emergence and development of research interest in auricles and application of the forensic data at personal identification. The author considers the main systems of personal identification by using auricle images existing at present, such as A.V. Iannarelli's system, the Polish system developed by Polish scientists in 1990s and recently developed M. Nixon's system. Based on the above listed systems of personal identification the author describes a number of diagnostic tasks and explores some possibilities of forensic otoscopy.

Key words: habitoscopy, auricle, forensic otoscopy, systems of identification.

В последнее время вырос интерес к габитоскопии, и связано это с развитием методов идентификации человека по его внешним признакам. Мы ежедневно сталкиваемся с задачей мысленного описания внешности человека, мысленного отождествления личности, и даже не задумываемся над этим. Встречая своих знакомых, родных и узнавая их, мы, по сути, решаем идентификационную задачу: сравниваем их внешность с образом, который имеется у нас в памяти. Однако такая идентификация происходит на бытовом уровне и применения такого «бытового подхода» к деятельности правоохранительных органов недостаточно. На помощь сотрудникам правоохранительной деятельности приходит отрасль криминалистической техники – габитоскопия.

Центральное место в габитоскопии занимает описание внешности человека. Структура внешности человека включает в себя множество элементов, одними из которых являются анатомические, то есть отдельные анатомические органы и области в целом и их части. Изучением одного из таких анатомических элементов – ушной раковины – занимается криминалистическая отоскопия. Научно доказано, что ушная раковина человека не подвергается сильным временным изменениям. Первый, кто предложил измерять длину и ширину ушной раковины и использовать полученные данные для идентификации человека, был А. Берти-

льон. Именно он в 1885 г. впервые измерил длину и ширину ушной раковины человека с помощью скользящего циркуля, а полученные сведения занес в специальную регистрационную карту преступника [4, с. 92]. Таким образом, А. Бертильон описал строение ушной раковины и использовал эти данные при проведении идентификации личности.

Начиная с 1885 г. и по настоящее время проблемой идентификации личности по ушной раковине занимались как отечественные, так и зарубежные ученые, было разработано несколько систем идентификации личности по ушной раковине, среди которых можно выделить три основных: 1) система, разработанная А.В. Ианнарелли, американским криминалистом, основой которой является классификация ушных раковин, проводимая исходя из задач идентификации и регистрации путем деления ушных раковин по видам, исходя из форм, а также по признакам пола и расовым типам [2, с. 20-21]; 2) так называемая «польская» система, разработанная рядом ученых в начале 90-х гг. XX в., в основе которой – классификация признаков ушной раковины человека в соответствии с ее типами (в отличие от системы А.В. Ианнарелли польская система направлена больше на идентификацию, нежели на регистрацию) и является многоуровневой (всего их шесть), включая сопоставление следа и сравниваемого образца на пригодность для идентификации, установление групповой принадлежности, сопоставление признаков, технику контура, установление общих идентификационных признаков, анализ результатов [3, с. 50-52]; 3) система, разработанная британским ученым М. Никсоном, основанная на биометрии уха (он назвал ее «лучевое преобразование изображения» (image-ray-transform)) и сводимая к «обстрелу» изображения разноцветными лучами, что позволяет с точностью 99,6% отследить все особенности ушной раковины и записать их в цифровом виде.

Положив в основу описанные выше системы идентификации личности по ушной раковине, можно решить ряд диагности-

ческих задач. Так, основными признаками определения возраста являются: а) наличие морщинок и складок не только на мочке, но и на других элементах ушной раковины; б) размер ушной раковины (рост ушной раковины); в) характер волосяного покрова ушной раковины. Определить возраст человека по следу ушной раковины с точностью нельзя, но сказать, что след оставлен ребенком, человеком в юном возрасте или пожилым человеком, можно. Определение пола человека, оставившего следы ушной раковины, производится по размеру ушной раковины. Ушная раковина женщины, как правило, меньше ушной раковины мужчины. Стандартный размер ушной раковины женщины составляет 6-7 см высоты и 3-3,5 см ширины. У мужчины размер ушной раковины (высота и ширина) примерно на 1-1,5 больше, чем у женщины. Однако встречаются мужчины, у которых ушная раковина так же невелика, как и у женщины. В данном случае определить пол возможно по форме ушной раковины – у мужчины отдельные элементы являются более грубыми и четко выраженными.

По отпечатку ушной раковины человека можно также установить наличие у него каких-либо заболеваний внешнего уха, а также психических отклонений. Существует множество заболеваний ушей, но все их можно разделить на два вида: заболевания внутреннего уха и заболевания наружного уха. Криминалистическое значение имеют заболевания наружного уха, то есть ушной раковины. Заболевания данного рода можно определить либо при проведении ДНК-анализа, либо обнаружением на отпечатке ушной раковины характерного для конкретного заболевания контура. При изучении ушной раковины, реже – ее отображения, можно установить наличие послеоперационных признаков.

Важное значение для следствия имеет также форма, или как ее еще называют, контур ушной раковины и ее размер. В основном выделяют пять форм внешнего уха: круглая – встречается в 9,3% случаях; овальная – самая распространенная форма, встречается в 61,7% случаях; прямоугольная – в 8,3% случа-

ях; треугольная – в 14,7% случаях; ромбовидная – в 6% случаях. Размер, то есть величина ушной раковины, определяется в профиль и рассчитывается относительно высоты лица. По величине различают малые, средние и большие ушные раковины. Средняя ушная раковина должна примерно равняться $1/3$ высоты лица человека. Таким образом, можно примерно высчитать рост человека: определить верхнюю точку ушной раковины, и прибавить к ней высоту самой ушной раковины. Определение примерного роста человека возможно при условии, что тело человека, оставившего след ушной раковины, занимало положение 180° по вертикали, то есть нормальное положение. Необходимо еще учитывать, что ухо может занимать либо больше $1/3$ высоты лица либо меньше $1/3$, а также нужно учитывать то, что ухо может находиться в трех положениях: на уровне бровей, выше уровня глаз, ниже уровня глаз. Опытным путем было доказано, что разница между ростом, установленным в результате проведения эксперимента, и настоящим ростом человека составляет 3-5 см.

Необходимо также отметить, что существует ряд теорий, которые устанавливают зависимость между чертами характера и формой и размером уха [5, с. 103]. Маленькие уши (до 6 см длины) означают легкомысленность, живой характер, блестящий, но поверхностный ум. Маленькие уши являются признаком неблагополучия и чувственности; они служат показателем высоких скоростных качеств индивида и часто отмечаются у бегунов-спринтеров. Умеренно большие уши с хорошо выраженными извилинами свидетельствуют о музыкальных способностях, уши большие (более 7 см) свидетельствуют об уверенности в себе и пробивной силе. Большие, хорошо сформированные уши свидетельствуют о любви к правде и о том, что в молодости их обладатель не был слишком энергичен. Вытянутые уши говорят о деликатности и впечатлительности; широкие уши – это сила характера, здравый ум, реализм; уши, вывернутые назад, указывают на импульсивность, большую впечатлитель-

ность, эмоциональность. Отстающие (лопухость) уши отличают людей впечатлительных, наделенных интуицией. Оттопыренные, большие уши встречаются довольно часто и в определенной части случаев говорят о глупости и бесхитростности субъекта.

Большое диагностическое значение придается мочке уха. Хорошо выраженная по форме и большая по величине мочка свидетельствует о хорошей сопротивляемости организма. На Востоке люди с очень большими мочками считаются мудрецами. Длинная мочка указывает на беспечность и выносливость, чем длиннее мочка, тем длиннее жизнь, тем человек умнее; маленькая мочка говорит о щепетильности, выдвинутая вперед мочка – о душевности, отсутствие мочки – свидетельство о жесткости характера, мочка с морщинами указывает на склонность к раку желудка. Таким образом, используя форму ушной раковины, можно не только определить наличие физических или психических заболеваний, но и дать психологический портрет человека, что играет большую роль в расследовании и раскрытии преступлений. Используя элементарные знания об особенностях строения ушной раковины, следователь самостоятельно сможет определить на месте происшествия, кем (его пол, примерный рост и возраст) оставлен след ушной раковины, наличие психических заболеваний или заболеваний внешнего уха, а также составить примерный психологический портрет.

Однако, несмотря на достаточно большой объем знаний об ушной раковине человека, вопрос о проведении экспертиз по следам и другим отображениям внешнего уха остается малоизученным. Точнее, в теоретическом плане он достаточно освещается в учебной литературе по криминалистике. Можно назвать труды и учебные материалы таких известных в нашей стране и за рубежом ученых-криминалистов, как П.И. Бушуев, В.А. Снетков, З.И. Кирсанова, А.М. Зинин и другие [1, с. 118-138], которые уделили много внимания не только методам изучения внешнего облика человека, применяемым в габитоскопии, но и методике проведения

портретной (фотопортретной) экспертизы. Практически же экспертиза по ушной раковине назначается крайне редко.

Безусловно, для назначения и проведения сравнительной экспертизы по ушным раковинам нужны прежде всего исходные материалы. Если эта экспертиза назначается в связи с идентификацией личности по фотографиям и ушным раковинам живого человека (или трупа), то в качестве исходных материалов однозначно требуется представлять эксперту фотографию с документа, не вызывающего сомнения в его подлинности, фотографии (фотоснимки) из семейных альбомов и фотографии живого лица (или трупа) как объекта для сравнения. Такая совокупность исходных материалов может стать позитивной предпосылкой для проведения исследования и дачи экспертом определенного вывода по вопросам идентификации личности. Для правильного понимания освещаемого вопроса следует отметить, что предметом экспертного исследования в этих случаях будут не только сами ушные раковины или оттиски этих раковин с их индивидуальными и неповторимыми признаками, но и другие элементы лица, головы, составляющие неотъемлемую часть облика человека. К таким элементам габитоскопия относит следующие признаки: форма и размеры головы, лба, глаз, рта, губ, носа, волосы, соотношение их и симметричность расположения на исследуемых объектах и т. д.

Однако ученый Марк Никсон из лаборатории изображений, речи и интеллектуальных систем университета Саутгемптона предложил не сопоставлять форму и величину ушной раковины со всеми выше перечисленными признаками, а изучать ушную раковину как самостоятельный объект. Это довольно сложно, так как ушная раковина является частью внешности человека и изучение ее в отдельности от других признаков внешности человека может привести к ошибкам в процессе идентификации. Андреас Шпигельхаузер, автор переведенной с немецкого языка публикации, приводит в качестве примера практику немецких коллег из криминали-

стической полиции г. Вупперталя, которые используют для идентификации личности преступников их оттиски ушных раковин, оставленных на месте совершения преступления. Чтобы успешно выявлять преступников, совершивших то или иное преступление, сотрудники криминальной полиции, помимо дактилоскопирования этих лиц, изымают у них оттиски ушных раковин, и в настоящее время в полиции создана солидная следотека, насчитывающая свыше пятисот таких отпечатков. Профилактический аспект деятельности немецких полицейских в этом направлении заключается в том, что лица, потенциально способные совершать преступления, знают, что полиция обладает не только их пальцевыми, но и ушными отпечатками, что может в той или иной мере стать сдерживающим фактором.

Следственная и экспертная практика правоохранительных органов ГУВД Челябинской области располагает примером использования при расследовании уголовного дела результатов экспертного заключения при проведении трасологической экспертизы по специфическому объекту исследования – ушным раковинам. Данное экспертное исследование отличалось от обычных исследований, проводимых при назначении фотопортретных экспертиз тем, что предметом исследования были не голова и лицо человека с их элементами внешности, а только ушные раковины и оттиски этих раковин, что, безусловно, затрудняет проведение такой экспертизы. Необходимо отметить, что в нашей стране имеется недостаточный опыт назначения экспертиз по следам и другим отображениям ушной раковины, в отличие от зарубежных стран, где проведение идентификации личности по ушным раковинам давно уже не является новинкой. А это означает, что российским следователям и экспертам надо перестать бояться использовать следы и другие отображения ушной раковины как доказательственную базу при расследовании и раскрытии преступлений, использовать возможности современной криминалистической отооскопии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зинин А.М. Методика экспертной идентификации личности по формированиям (портретная экспертиза) // Криминалистическая экспертиза. – М., 1973. – 138 с.
2. Ианнарелли А.В. Идентификация по строению ушной раковины // Бюллетень переводов зарубежной литературы: По вопросам судебной экспертизы. – М.: Изд-во ВНИИСЭ. 1972. – № 11. – 21 с.
3. Каспшак Е. Судебная отокопия – новый метод идентификации человека // Вестник криминалистики. Вып.3(23). – М., 2007. – 52 с.
4. Козлов Н.А. Применение антропометрии в русских тюрьмах // Журнал Министерства юстиции, 1897. – № 10. – 92 с.
5. Песиков Я.С., Рыбалко С.Я. Атлас клинической аурикулотерапии. – М.: Изд-во «Медицина», 2000. – 250 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Кафедра теории и истории государства и права образована осенью 2011 г. Заведует кафедрой доктор юридических наук, профессор Марченко М.Н.

Марченко М.Н. возглавляет Ассоциацию юридических вузов России, является одним из ведущих специалистов в области общей теории права. В научных кругах известны его монографии по праву Европейского союза, источникам права, сравнительному правоведению и др. Марченко М.Н. является руководителем авторского коллектива одного из базовых учебников по теории государства и права.

Научные интересы д.и.н., профессора В.И. Козловской связаны с историей и методологией юридической науки. С 2004 г. В.И. Козловская сотрудничает с Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ). Особое место в научно-исследовательской деятельности профессора В.И. Козловской занимают ее многолетние творческие связи с академическим Институтом истории Испании. С 2006 г. она является участником международных научных проектов по изучению истории и права античной Испании. Профессором В.И. Козловской опубликовано около 140 научных трудов, в том числе 16 зарубежных.

Кандидат исторических наук, доцент Баранов Ю.В. активно участвует в научной жизни кафедры. Нескольким поколениям студентов хорошо известны его авторские спецкурсы «Судебная власть», «Право тоталитарных режимов» и др., созданные им на базе первичных источников – исторических архивных материалов. В настоящее время Ю.В. Баранов занимается разработкой новой темы – об особенностях законодательства Российской империи в области трудового права, в частности о правовом регулировании труда несовершеннолетних. В 2011 г. за многолетнюю успешную учебно-методическую и научную деятельность Баранов Ю.В. был награжден Почётной Грамотой Московской областной думы.

Прикладной задачей кафедры является совершенствование системы подготовки студентов по ряду дисциплин, таким как римское право, латинский язык, теория права, международное право, сравнительное правоведение, историко-правовым дисциплинам.

Основные направления научно-исследовательской деятельности кафедры – это работы в области проблем статуса юридического лица в публичном праве; соотношения международного и национального права; социологии и методологии права; истории правового регулирования социально-экономических процессов в России.

В настоящее время коллектив кафедры разрабатывает учебно – методическое обеспечение преподаваемых дисциплин на основе новых федеральных государственных образовательных стандартов для бакалавриата и магистратуры.

13 мая 2012 года ушел из жизни
профессор кафедры уголовного права
Московского государственного областного университета
ДЕТКОВ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ

Детков Михаил Григорьевич родился в Белоруссии в д. Свержень, Рогачевского района, Гомельской области 14 марта 1939 г. После окончания средней школы в 1956 г. выехал в город Сталинск (Новокузнецк), Кемеровской области, где поступил в техническое училище, которое окончил в 1957 г. по специальности токарь. С 1957 по 1959 гг. работал на Кузнецком металлургическом комбинате; в 1959 году призван в Советскую Армию, службу проходил на Дальнем Востоке. В 1962 г. после демобилизации вернулся в г. Новокузнецк, где поступил на работу на Западно-Сибирский металлургический комбинат. В этом же году по направлению компартии был зачислен на службу в органы внутренних дел на должность начальника отряда лагерного пункта «Тихая» Южно-Кузбасского ИТЛ. В 1965 г. был направлен на учебу в Высшую школу МВД СССР, которую окончил в 1968 г. С 1968 по 1972 гг. работал в должностях заместителя начальника исправительно-трудовой колонии, заместителя начальника отделения исправительно-трудовых колоний Учреждения ВД-30. В 1972 г. был руководителем политотдела ИТУ МВД СССР, где до мая 1988 г. работал на различных должностях, в том числе с 1981 г. переведен во Всероссийский институт повышения квалификации руководящих работников ИТУ МВД СССР на должность начальника кафедры; в 1992 г. был переведен во ВНИИ МВД России, где до увольнения в 1999 г. на пенсию работал в должностях ведущего, главного научного сотрудника.

Детков М.Г. в 1981 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук; в 1994 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук; ученое звание профессора присвоено в 1996 г.

За время службы в органах внутренних дел принимал непосредственное участие в подготовке проектов нормативных правовых актов по социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, обобщения опыта организации исполнения наказания в ряде регионов Советского Союза, проведения экспериментов и подготовке методических рекомендаций по совершенствованию процесса исправления осужденных.

За безупречное выполнение служебных обязанностей награждался: медалями «За безупречную службу» III, II и I степени; «Ветеран труда»; «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В.И.Ленина»; Почетной грамотой – 5 раз; ценным подарком – 3 раза. Поощрялся знаком «За отличную службу в МВД»; знаками: «Отличник просвещения СССР» и «Отличник народного просвещения»; 23 раза ему вручалась денежная премия; 6 раз его фотография помещалась на Доску Почета, в том числе 3 раза – на Доску Почета МВД СССР.

Михаил Григорьевич Детков с момента основания юридического факультета Московского государственного областного университета был профессором кафедры уголовно-правовых дисциплин МГОУ. Одновременно являлся академиком Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка Российской Федерации; членом диссертационного совета Института права Тамбовского государственного университета, членом Попечительского совета уголовно-исполнительной системы Минюста России; советником Председателя Всероссийской общественной комиссии по борьбе с коррупцией.

За время работы в Московском государственном областном университете показал себя активным, грамотным работником, участвующим как в образовательной, научной, так и в общественной жизни вуза. Являлся бессменным руководителем исследовательского проекта «Пожизненное лишение свободы – реальная альтернатива смертной казни», ежегодным участником университетских, межвузовских, общероссийских и международных конференций, конгрессов и форумов в области уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, научным руководителем аспирантов, обучающихся в МГОУ по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право. Автор более 120 научных публикаций, учебных и учебно-методических пособий, учебников.

Детков М.Г. был высококвалифицированным, ответственным работником, коммуникабельным, легко находил общий язык со студентами, аспирантами и профессорско-преподавательским составом университета.

Ректорат, профессорско-преподавательский состав и студенты МГОУ выражают соболезнования родным и близким Деткова Михаила Григорьевича, безвременно ушедшего из жизни 13 мая 2012 г. на 74-м году жизни. Вечная память! Скорбим и помним.

НАШИ АВТОРЫ

Абдуллаев Эльшан Эльшад оглы – аспирант кафедры трудового права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: abdullaevmsu@gmail.com.

Аваков Артур Игоревич – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: megler@mail.ru.

Гапеев Дарья Евгеньевна – аспирант очной формы кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного областного университета; e-mail: gareenok11@mail.ru.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Московского государственного областного университета; e-mail: grigorev.viktor@gmail.com.

Козловская Виктория Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного областного университета; e-mail: vkozlovskaja@yandex.ru.

Коновалова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного областного университета; e-mail: ia.konovalova@mgou.ru.

Мишанов Андрей Анатольевич – аспирант кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел России; e-mail: mishanov@bk.ru.

Никулин Виктор Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Тамбовского государственного технического университета; e-mail: viktor.nikulin@mail.ru.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета Министерства внутренних дел России; e-mail: av-pobedkin@mail.ru.

Прокопенко Ольга Павловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного университета; e-mail: olga300pp@mail.ru.

Рожков Антон Алексеевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного университета; e-mail: anrozkov@mail.ru.

Романов Алексей Викторович – адъюнкт кафедры гражданского права и процесса Московского университета Министерства внутренних дел России; e-mail: romanoffalesha@yandex.ru.

Узлова Ольга Сергеевна – аспирант кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Московского государственного университета приборостроения и информатики; e-mail: gopolya@mail.ru.